

В. П. Бурнашев

Воспоминания петербургского старожила 1

РОСИЯ В
МЕНУАРАХ

Владимир Петрович Бурнашев

Воспоминания петербургского

старожила. Том 1

Серия «Россия в мемуарах»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68322304

*Воспоминания петербургского старожила. Том 1: Новое литературное
обозрение; Москва; 2022
ISBN 978-5-4448-2080-3*

Аннотация

Журналист и прозаик Владимир Петрович Бурнашев (1810-1888) пользовался в начале 1870-х годов широкой читательской популярностью. В своих мемуарах он рисовал живые картины бытовой, военной и литературной жизни второй четверти XIX века. Его воспоминания охватывают широкий круг людей – известных государственных и военных деятелей (М. М. Сперанский, Е. Ф. Канкрин, А. П. Ермолов, В. Г. Бибилов, С. М. Каменский и др.), писателей (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, О. И. Сенковский, А. С. Грибоедов и др.), также малоизвестных литераторов и журналистов. Мемуары особенно интересны тем, что их автор тщательно фиксировал слухи, сплетни и анекдоты, циркулировавшие в русском обществе второй половины XIX века. Репутации литераторов того времени,

быт, балы, развлечения, литературные салоны, кулинария, одежда — все это в воспоминаниях Бурнашева передано ярко и достоверно. В книгу вошла также не публиковавшаяся ранее статья выдающегося литературоведа Ю. Г. Оксмана о Бурнашове.

Содержание

Анекдотист и летописец слухов	5
В. П. Бурнашев – газетчик и мемуарист середины XIX века[52]	33
Мой литературный формуляр и нечто вроде Acquit de Conscience[72]	60
Воспоминания петербургского старожила	117
Вместо предисловия	117
Четверги у Н. И. Греча	139
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Владимир Петрович Бурнашев Воспоминания петербургского старожила Том 1

Анекдотист и летописец слухов

*Придет пора, и ты, как все, умрешь,
Но смерть твоя не даст газетам пищи,
И гроба твоего на городском кладбище
Не окружит печально молодежь.
Случевский не почтит тебя своим куплетом,
Как гробовщик-поэт, – вот эсребий твой каков!
И вместо всех торжественных венков
Два-три приятеля лишь явятся с «букетом»...*

Стихи Д. Д. Минаева на смерть В. П. Бурнашева¹

В этом предисловии я не ставлю задачу описать жизненный путь В. П. Бурнашева, он сам это сделал в помещенном далее автобиографическом очерке «Мой литературный фор-

¹ Цит. по: Либрович С. Ф. На книжном посту. Пг.; М., 1916. С. 31.

муляр и нечто вроде *acquit de conscience*: кто такой в литературной петербургской братии Владимир Петрович Бурнашев». Не буду я давать и общую характеристику воспоминаний Бурнашева, поскольку это хорошо сделано Ю. Г. Оксманом, статья которого для планировавшегося, но не изданного сборника воспоминаний Бурнашева впервые публикуется сразу после моего предисловия. Здесь я хотел бы показать, как получилось, что воспоминания Бурнашева, обладающие, при всех их недостатках, и немалыми достоинствами, до сих пор почти не переиздавались и никогда не выходили отдельным изданием.

У мемуаристов, как и у поэтов и прозаиков, складывается определенная репутация, которая определяет, будут ли в дальнейшем переиздавать их произведения. Но тут, помимо литературной ценности, есть еще дополнительный критерий оценки: достоверность. В результате одних мемуаристов ценят высоко, нередко переиздают, всюду цитируют и относятся к ним с полным доверием. Воспоминания других навсегда остаются на страницах старых журналов, и лишь время от времени добросовестный историк обращается к ним в поисках нужных сведений. И, наконец, третьи, подобно первым, также приобретают известность, но специфическую, «геростратовскую» – как фальсификаторы, лгуны и мошенники. Использовать их публикации в научной работе считается дурным тоном. Если не выходить из круга литератур-

ных воспоминаний, то в качестве представителей первой категории можно назвать А. И. Герцена, И. И. Панаева, П. В. Анненкова; второй – Р. М. Зотова, А. В. Старчевского, Р. И. Сементковского; третьей – А. Е. Грена, О. Н. Смирнову, фальсифицировавшую «Записки» своей матери А. О. Смирновой, П. П. Вяземского, автора писем и записок Оммер де Гелль. Один из известнейших мемуаристов, нередко относимых к последней группе, – Владимир Петрович Бурнашев (1810–1888).

За свою долгую жизнь ему пришлось служить на самых разных поприщах (в министерствах финансов, военном, государственных имуществ, внутренних дел и т. д.) и писать на разнообразные темы. В начале своего литературного пути он был журналистом, печатавшим в «Северной пчеле» широко читавшиеся статьи о русских предпринимателях и изобретателях из «народа». Потом переквалифицировался в детского писателя, автора художественных и познавательных книг². После этого он редактировал такие периодические издания, как «Эконом» и «Труды Императорского Вольного экономического общества», и опубликовал немало книг на хозяйственные темы.

Дебютировал Бурнашев в мемуарном жанре в конце 1850-х гг. и продолжал печатать воспоминания в начале 1860-х

² См. подробнее: Хеллман Б. Сказка и быль: история русской детской литературы. М., 2016. С. 60–64.

гг.³, но фамилии персонажей в них были изменены, к тому же издания, в которых он печатался, были адресованы не элитарной публике, а небогатым и не очень образованным людям, поэтому их не замечали в литературной среде.

Оказавшись в конце 1860-х гг. без службы и гарантированного дохода, он, стремясь заработать на кусок хлеба, подрядился помогать известному дирижеру и композитору князю Ю. Н. Голицыну в подготовке воспоминаний для публикации, превращая устный рассказ на французском языке в письменный русский текст⁴. Полугодовые беседы (нередко о скабрёзных сюжетах) с хорошо информированным князем помогли Бурнашеву, как он вспоминал впоследствии, «узнать много интересных подробностей о высшем петербургском обществе»⁵. В эти годы резко усилился интерес читателей к мемуарам (в 1863 г. возник журнал «Русский архив», в 1870 г. – «Русская старина»), и в начале 1870-х гг. Бурнашев решил попробовать проникнуть в толстые журналы. Дебютировал он в 1871 г. в журнале «Заря» мемуарными

³ См.: Сдача архивных дел // Иллюстрация. 1858. № 36. С. 167, 170. Подп.: Вениамин Зедзет; Начальнические любезности (Из воспоминаний петербургского старожила) // Иллюстрированный листок. 1862. № 41. С. 366–368; № 42. С. 389–393. Подп.: Вениамин Зетзет; История с билетом (Из воспоминаний петербургского старожила) // Иллюстрированная газета. 1863. № 24. С. 378–379; № 25. С. 392–395. Подп.: Вениамин Игреков, и др.

⁴ См.: *Голицын Ю. Н.* Прошедшее и настоящее // Отечественные записки. 1869. № 10, 11. Отд. изд. – СПб., 1870.

⁵ *Бурнашев В. П.* Три рассказа покойного кн. Ю. Н. Голицына // Биржевые ведомости. 1873. № 196.

очерками об А. А. Аракчееве и вечерах у Н. И. Греча; публикации эти имели успех. В. П. Буренин отмечал, например, что в «Четвергах у Н. И. Греча» «довольно рельефно обрисованы Греч и его сотоварищ по журнальным подвигам Булгарин, живо представлены петербургские литературно-художественные нравы того времени»⁶. Редакции лучших журналов стали охотно предоставлять ему свои страницы⁷. Печатал он свои мемуары и в газетах «Русский мир» и «Биржевые ведомости». Теперь Бурнашева заметили, и литературные обозреватели стали писать о нем с похвалой. Первые рецензенты находили в его воспоминаниях «множество любопытных подробностей анекдотического характера и весьма оригинальный тон всего рассказа»⁸ и отмечали, что они, «кроме занимательности своей, имеют еще значение как весьма важный материал для изучения литературных нравов описывае-

⁶ Z. [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 159.

⁷ См.: Из воспоминаний петербургского старожил. I. Аракчеев и крестовская карусель. II. Четверги у Н. И. Греча // Заря. 1871. № 2, 4. Подп.: В. Б.; Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 9–11. Подп.: Петербургский старожил В. Б.; Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности. 1834–1850 // Там же. 1872. № 5–10, 12. Подп.: Петербургский старожил В. Б.; Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников // Русский архив. 1872. № 9; Воспоминания о некогда знаменитом театре графа С. М. Каменского в г. Орле // Дело. 1873. № 6. Подп.: Гурий Эртаулов, и др.

⁸ А. О. [Авсеев В. Г.] Очерки текущей литературы // Русский мир. 1872. № 221.

мой эпохи»⁹. Буренин писал, что «Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834–1850» «очень любопытны: они знакомят нас с особой журнальной чиновничьей средой той эпохи, когда процветала знаменитая „Пчелка“ с двумя не менее знаменитыми редакторами»¹⁰.

Однако вскоре грянул гром: и герои воспоминаний, и люди, хорошо помнящие и знающие описываемую эпоху, стали отмечать многочисленные ошибки в датах и именах, неточности и т. д. А. И. Подолинский доказывал, что информация о нем в очерке «Мое знакомство с Воейковым» не соответствует действительности¹¹. В большой статье в «Русском мире» приводились десятки примеров ошибок и неточностей Бурнашева¹². В. П. Буренин советовал журналам, в которых печатается Бурнашев, «тщательно выметать из них всю ненужную и обильную труху и оставлять лишь действительные и характеристичные факты и эпизоды»¹³.

⁹ Журналистика и библиография // Биржевые ведомости. 1872. № 224. Подп.: М. Н. См. также: *Парголовский мизантроп* [Скабичевский А. М.] Мысли и впечатления, навеваемые текущею литературою // Отечественные записки. 1874. № 7. Отд. 2. С. 99; Очерки современной журналистики // Одесский вестник. 1872. № 252. Подп.: С. Г-В. [С. Т. Герцо-Виноградский].

¹⁰ *Он же*. Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 212.

¹¹ Воспоминания А. И. Подолинского. По поводу статьи г. В. Б. «Мое знакомство с Воейковым» // Русский архив. 1872. № 3/4. С. 856–865.

¹² Замечания на некоторые статьи из воспоминаний Петербургского сторожила В. Б. // Русский мир. 1872. № 217, 218. 22, 23 авг. Подп.: А. Р.

¹³ *З.* [Буренин В. П.] Журналистика // Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 212. 7 окт. См. также: Заметка // Русский мир. 1872. 25 окт. Подп.: Б.; *Сербии*.

Критические замечания были вызваны характером работы Бурнашева, который беллетризовал и сюжетизировал материал, сводя вместе персонажей, которые не могли тут собраться одновременно, и помещая длинные беседы, которые он не мог, разумеется, помнить. Но волна критики была вызвана не только и не столько этим. Дело в том, что Бурнашев был нетактичен и печатал сведения, которые компрометировали покойных влиятельных людей.

Бурнашев утверждал, что травлю организовали потомки Д. Г. Бибикова, Е. Ф. Канкрин и др. лиц, о которых он сообщал, в частности, и нелестно характеризующие их сведения. Проверить это мы не можем. Но один его враг хорошо известен – это П. А. Вяземский. Когда П. И. Бартенев опубликовал в своем журнале «Русский архив» очерк Бурнашева о Лермонтове, Вяземский всячески старался воздействовать на него, чтобы тот прекратил печатать бурнашевские мемуары. 6 марта 1872 г. он писал Бартеневу¹⁴, что Бурнашев «известный враль и лжец». 14 марта 1872 г. по поводу очередной публикации Бурнашева он повторил: «Враль Бурнашев продолжает врать»¹⁵. Его племянник, Н. П. Барсуков, писал Бартеневу 18 сентября 1872 г.: «На днях я получил

нович К. Заметка об отношении Н. М. Карамзина к А. Ф. Воейкову // Русская старина. 1872. № 1. С. 147–149.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 139–147.

¹⁵ Цит. по: *Ивинский Д. П.* Князь П. А. Вяземский: материалы к историко-литературной биографии. М., 2020. С. 131.

<...> письмо от кн. Вяземского, в котором он, как я и ожидал, негодует – за впускание в „Русский архив“, в сей священный ковчег старины нашей, „враля“ Бурнашева, который прославился своими лживыми и холопскими сплетнями»¹⁶. В том же году Вяземский написал две эпиграммы на Бурнашева¹⁷. В письме от 20 сентября 1872 г.¹⁸ Вяземский продолжал свои инвективы против Бурнашева и прислал Бартеневу еще одну эпиграмму: «...охота была пускать Вам в „Архив“ такого враля и лжеца, как Бурнашев¹⁹. Подобное отсутствие критической оценки и снисходительность могут подорвать доверие читателей к прочим документам, которые Вы у себя печатаете. <...> Что за сумбур и как могли Вы всё это напечатать. <...> вот еще маленькая отрывка Вашему *Бур* или *Врунашеву*.

Быль молодцу, согласен, не укора²⁰,
Но ложь укорой быть должна для молодца,

¹⁶ Цит. по: Федута А. Сюжеты и комментарии. Вильнюс, 2013. С. 97–98.

¹⁷ См.: Русская эпиграмма: (XVIII – нач. XX в.) / Сост. и примеч. М. И. Гилельсона, К. А. Кумпан. Л., 1988. С. 233–234. Вторая эпиграмма тут неверно датирована 1874 г., правильно: 1872 г. См.: Федута А. Указ. соч. С. 99.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 564. Л. 459–460 об.

¹⁹ Имеются в виду следующие очерки Бурнашева: «Листки из памятной книжки» (1872. № 7/8. Стлб. 1606–1612) и «Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников» (1872. № 9. Стлб. 1770–1850).

²⁰ Эта поговорка взята Бурнашевым в качестве эпиграфа к заметке «Qui pro quo с А. И. Подолинским» (Русский архив. 1872. № 7/8. Стлб. 1606–1612), в которой он отвечал на критический отклик Подолинского.

А в рассказах твоих и врешь ты без разбора,
И лжешь ты без конца».

Бартенев оправдывался в письме от 26 сентября 1872 г.²¹: «...все доселе напечатанные в разных местах статьи его перебивали у меня в руках; я три года ему отказывал у себя помещение; но видя, что и „Р[усский] вестник“, и „Заря“, и „Русский мир“ печатают мною отвергнутое, и статьи эти, несмотря на их фривольный тон, жадно читаются, решил я дать место двум-трем, по моему мнению, невиннейшим». Однако под давлением Вяземского он все же прекратил публикацию воспоминаний Бурнашева.

Бурнашев всячески отбивался, полемизируя с критиками²², но делал это тоже нетактично и только усугублял ситуацию.

Все упреки Бурнашеву были резюмированы в статье газеты «Гражданин». Там утверждалось, что «все его публикации отличались и отличаются <...> тоном полной самоуверенности в непогрешимости заключающихся в них рассказов, с категорическими подтверждениями, что все пишущее

²¹ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1407. Л. 130–131 об. Приношу искреннюю благодарность Л. И. Соболеву за предоставление копий писем Бартенева Вяземскому, цитаты из которых приведены в тексте со ссылками на РГАЛИ.

²² См.: Ответ петербургского старожила на замечания графа А. Е. Канкрин // Русский мир. 1872. № 50; Еще несколько слов в ответ графу А. Е. Канкрину // Там же. 1872. № 64; Чудо-юдо в современной журналистике «Русского мира» // Биржевые ведомости. 1872. № 236; Наипоследнейшее объяснение с г. Комаровым // Биржевые ведомости. 1872. № 338, и др.

еся автором основано на современных этим происшествиям памятных его записках. <...> [Однако] фактами, цифрами, ссылками на источники сокрушено было в прах разными лицами и в разных статьях почти все, что рассказывал г. Бурнашев. <...> Доказано было несомненно, что все рассказы г. Бурнашева, так сказать, кишат несообразностями, всякого рода анахронизмами, явными выдумками, решительными невозможностями». Автор, называя публикации Бурнашева «современной хлестаковщиной», предлагал «закрыть для нее доступ к изданиям»²³.

Маловлиятельный «Гражданин» был поддержан авторитетной газетой «Голос», фельетонист которой писал: «Сколько ни указывали этому „петербургскому старожилу“, что его „Воспоминания“ полны всевозможных несообразностей, сколько ни советуют ему, чтоб он перестал лгать и путать, г. Бурнашев продолжает свое делать, болтает без умолку, перепутывает события, рассказывает то, чего не было и быть не могло, благо язык без костей <...>»²⁴.

Призыв был услышан, и с 1874 г. Бурнашева почти пере-

²³ Современная хлестаковщина // Гражданин. 1873. № 3. Подп.: Давнишний обыватель Петербурга. Бурнашев считал автором статьи П. А. Вяземского (см. его письмо В. Р. Зотову от 28 сентября 1875 г.: ИРЛИ. Ф. 548. № 28. Л. 128 об.), что вполне вероятно, поскольку издатель «Гражданина» В. П. Мещерский был родственником Вяземского (его бабушка по матери была сводной сестрой Вяземского) и они поддерживали общение (см. их переписку: <https://philolog.petrus.ru/grazhdanin/meschersky/vazemsky/vazemsky.html>).

²⁴ – р [Ковнер А. Г.] Литературные и общественные курьезы // Голос. 1873. № 32.

стали печатать в газетах. Он попытался публиковаться под псевдонимом. Но это не помогло: характер письма Бурнашева был таков, что его сразу же узнавали. В. П. Буренин писал: «Выдумки г. Бурнашева были неоднократно разоблачены в печати; журналы и газеты, печатавшие прежде на веру воспоминания его, убедившись в их вымышленности, перестали принимать статьи „Старожила“. Г. Бурнашев, вследствие мер предосторожности, принятых журналами, исчез из печати; читатели, введенные в заблуждение баснями г. Бурнашева, успокоились и даже забыли его. И вот вдруг в „Деле“ появляется г. Гурий Эртаулов – совершенный двойник г. Бурнашева: та же манера повествовать о вздоре с невероятными мелкими подробностями, то же обилие неестественно длинных разговоров, происходивших полвека назад, наконец, то же игривое участие личности автора во всех воспоминаемых событиях»²⁵.

В довершение всего Бурнашев, испытывая безденежье, поступил в июне 1874 г. на службу в канцелярию III отделения. Хотя прослужил он там всего два месяца и занимался исключительно канцелярской работой, это стало известно в литературном мире и резко ухудшило отношение к нему. Он писал по этому поводу: «...общение мое с многими лицами, расположенными ко мне прежде, сделалось как-то натянутым с тех пор, как лица эти узнали о моем двухмесячном

²⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1873. № 198.

нештатном пребывании в стенах 3-го отделения <...>»²⁶.

В результате после 1875 г. мемуаристике Бурнашева доступ к печати был вообще закрыт. Он вернулся к детской литературе и к публикациям по сельскому хозяйству (во второй половине 1870-х – первой половине 1880-х Бурнашев печатался в «Земледельческой газете», журналах «Сельское хозяйство», «Природа и охота», детском журнале «Игрушечка», «журналах для народа» «Досуг и дело» и «Чтение для народа»); М. Н. Каткову он писал 8 июня 1885 г.: «...я поневоле пробираюсь лишь около детских, около иллюстрированных и около специально народных журналов»²⁷.

Мемуарное наследие Бурнашева не ограничивается опубликованными работами. В Пушкинском Доме в его личном фонде (Ф. 412) сохранилось большое число никогда не печатавшихся его мемуарных очерков, написанных во второй половине 1880-х гг. В последние годы жизни Бурнашев дарил и продавал свои не находящие сбыта воспоминания Лескову. Судя по всему, часть очерков он писал по прямому заказу Лескова, причем не для публикации, поскольку они были посвящены такой табуированной в русской литературе и журналистике теме, как секс. Лесков, познакомившийся с Бурнашевым в 1872 г. в доме В. В. Комарова, издателя и редактора газеты «Русский мир», в дальнейшем помогал ему пуб-

²⁶ Бурнашев В. П. Два месяца занятий, по найму, в I экспедиции 3-го отделения С. Е. И. В. канцелярии в июне и июле 1874 г. // ИРЛИ. № 30934. Л. 3–4.

²⁷ ИРЛИ. Ф. 262. Оп. 1. № 10. Л. 4.

ликовать воспоминания, в последние годы жизни Бурнашева, когда тот находился в жестокой нужде, печатно призывал помочь престарелому писателю²⁸, навещал умирающего Бурнашева, а после смерти писал о нем в рассказе «Загон» и посвятил ему статью «Первенец богемы в России»²⁹.

Это было не случайно. Помимо простой жалости к старику и присущего Лескову интереса к неординарным людям, здесь сказались следующие обстоятельства. Во-первых, это был для Лескова своего рода земляк, поскольку в юности Бурнашев жил в Орле, и он оставил ряд колоритных характеристик орловской жизни конца 1820-х гг. Во-вторых, своими чертами характера и литературной судьбой Бурнашев напоминал Лескова – те же неуживчивость и конфликтность, та же литературная неприкаянность и «внелагерность», тот же интерес к анекдотической истории и историческому анекдоту. Б. М. Эйхенбаум, который изучал творчество Лескова, записал в дневнике в 1923 г., что мемуарист и журналист «[П. В.] Быков советовал обратить большое внимание на Бурнашева – к нему Лесков ходил черпать вдохновение, пользуясь

²⁸ См. опубликованные анонимно заметку в разделе «Хроника» «Нового времени» (1887. № 4201. 8 нояб.) и заметку «Больной и неимущий писатель» в «Петербургской газете» (1887. № 323. 24 нояб.), а также статью «О литературных калеках и сиротах» (Петербургская газета. 1887. № 326. 27 нояб.).

²⁹ Исторический вестник. 1888. № 6. С. 534–564. Об их переписке и пометах Лескова на рукописях Бурнашева см.: *Клочкова Л. П.* Рукописи Н. С. Лескова: Научное описание // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. Л., 1973. С. 13–15, 92–94.

его бесконечными анекдотами и пр.»³⁰ Есть основания полагать, что в работе над «Левшой» и «Тупейным художником» Лесков отталкивался от публикаций Бурнашева³¹.

На волне успеха своих журнальных и газетных публикаций Бурнашев в 1873 г. подготовил книгу «Воспоминания петербургского старожила». Л. Н. Павлищеву он писал, что продал ее издателю М. О. Вольфу в октябре 1873 г. за 800 р. и в конце 1875 г. она должны быть издана в нескольких томах³². Рукопись состоит из трех частей: I «Воспоминания „петербургского старожила“ из его жизни общественной, служебной и литературной (1820–30–40–50 и отчасти 60 годов)», II «Аракчеевщина под стенами Петербурга», III «Клуб анекдотистов и каламбуристов». В первую часть вошли многочисленные очерки, напечатанные Бурнашевым в журналах и газетах, во вторую – сокращенная версия книги «Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834–1850», которую он поместил в «Русском вестнике» в 1872 г., в третью – анекдоты³³, которые он печатал под таким названием в 1873 г. в «Биржевых ведомостях», а потом в «Петербургской газете», анекдоты из изданного им сборника «Энциклопедия весельчака» (1872–1873),

³⁰ Эйхенбаум Б. М. Дневник // Филологические записки. 1997. Вып. 8. С. 243.

³¹ См.: Бухштаб Б. Об источниках «Левши» Н. С. Лескова // Русская литература. 1964. № 1. С. 60–64; Ленёхин М. П. Бурнашев В. П. // Русские писатели 1800–1917: биографич. словарь. Т. 1. С. 371.

³² ИРЛИ. № 30934. Л. 8.

³³ См. пояснительную записку Бурнашева (РНБ. Ф. 114. Ед. хр. 7).

многочисленные анекдоты, которые были вкраплены в его мемуарные очерки и которые он для предполагаемого издания вырезал (в прямом смысле слова) из них, а также ряд написанных для этого издания анекдотов, общим числом более двух сотен. Однако после резкой критики Бурнашева в печати Вольф не стал издавать его книгу.

Впоследствии Ю. Г. Оксман в июне 1931 г. подписал договор с издательством «Academia» на подготовку книги Бурнашева «Журналисты пушкинской поры» (с его предисловием и комментариями) со сроком выхода в 1934 г. В нее входили предисловие Оксмана, статья Лескова о Бурнашеве «Первенец богемы в России» и четыре обширных очерка Бурнашева («Воспоминания об А. Е. Измайлове», «Четверги у Н. И. Греча», «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания» и «Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников»), а также несколько приложений (аннотированный план статьи «Петербургские редакции и редакторы былого времени», фрагмент книги Бурнашева «Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834–1850», содержащий воспоминания об О. И. Сенковском, список анекдотических миниатюр, которые Бурнашев предлагал написать для Лескова, две подобные миниатюры «Битвы Булгарина с Лисенковым» и «Настоящий петербургский Хлестаков М. С. Хотинский» и записка Бурнашева для Лескова о любовнице министра финансов Е. Ф. Канкрин). Кни-

га была подготовлена и сдана в издательство³⁴, однако не вышла. По-видимому, это было связано с тем, что тучи над издательством сгущались и после ареста его директора Л. Б. Каменева в декабре 1934 г. издательство выпускало преимущественно книги классиков или авторов, связанных с революционной деятельностью.

Поскольку репутация Бурнашева как автора недостоверных и местами лживых мемуаров прочно установилась, никто долгое время не делал попыток пересмотреть ее. Сошлюсь на такого выдающегося историка литературы, как Ю. Н. Тынянов, для которого Бурнашев – всего лишь «известный враль, автор <...> воспоминаний, которые терпеливо скомпонованы из низкосортн[ого] и фантастическ[ого] [материала]»³⁵. М. И. Гиллельсон и О. В. Миллер отмечали, что в своих мемуарах Бурнашев «часто сбивался на передачу анекдота и не один раз был замечен в ошибках и неточностях»³⁶. Относительно недавно замечательный знаток пушкинской эпохи В. Э. Вацууро тоже писал про Бурнашева (правда, не для печати, а во внутреннем отзыве),

³⁴ См. рукопись книги, к которой приложен сопроводительный бланк издательства: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 20.

³⁵ Тынянов Ю. Н. О пародии [1929] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 303.

³⁶ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона, О. В. Миллер; вступ. ст. М. И. Гиллельсона. М., 1989. С. 543.

что «он вполне заслуженно пользуется репутацией мистификатора; его так называемые мемуары в значительной части представляют собой собрание непроверенных слухов, отобранных по принципу наибольшей эффективности»³⁷.

Тем не менее ссылки на воспоминания Бурнашева и цитаты из них можно нередко встретить в статьях о русской литературе первой половины XIX в. или в комментариях к публикациям материалов этого периода. Наглядно демонстрирует эту двойственность отношения к воспоминаниям Бурнашева издание «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников» (1974), подготовленное высококвалифицированными исследователями, где можно прочесть про один его мемуар, что он содержит «фальсифицированные в реакционном духе рассказы о Пушкине, Гоголе, Воейкове и Подолинском», и в то же время встретить ссылку на другой его мемуар как заслуживающий доверия источник³⁸.

Все это объясняет, почему опубликованные воспоминания Бурнашева не переиздавались, а неопубликованные – не печатались³⁹.

³⁷ В. Э. Вацуро: материалы к биографии. М., 2005. С. 275.

³⁸ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / Сост. и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович. М., 1974. Т. 2. С. 413, 483.

³⁹ Исключением являются три небольшие публикации: [Фрагменты очерков «Четверги у Н. И. Греча» и «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания»] // Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века / Ред., вступ. статья и примеч. Н. Л. Бродского. М.; Л., 1930. С.

Однако С. А. Рейсер полагал, что «даже в сочиненных деталях В. Бурнашев верно передает быт и отношения описываемого им времени»⁴⁰, а стоило И. Л. Андроникову проверить на достоверность мемуарный очерк Бурнашева о Лермонтове, как выяснилось, что «мелких промахов у Бурнашева достаточно, но ни в чем серьезном <...> он с другими свидетелями не разойдется» и у него «заведомо ложных сообщений нет»⁴¹.

Наша работа при комментировании текстов для настоящей книги привела к схожим результатам.

На мой взгляд, Бурнашев ничего не выдумывал с целью обмануть читателя. Он воспроизводил то, чему был свидетелем, пересказывал рассказы знакомых, а также слухи и анекдоты, которые бытовали в литературной среде. Однако его общение с литераторами было весьма фрагментарным, а

246–292; Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона и О. В. Миллер. М., 1989. С. 208–233 (со значительными сокращениями); Летописец слухов: неопубликованные воспоминания В. П. Бурнашева / Предисл., публ. и коммент. А. И. Рейтблата // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 162–174. Добавлю, что очерк Бурнашева о П. И. Шаликове был в сокращении включен в статью Н. Михайловой «Об одной книге из библиотеки Пушкина» (Альманах библиофила. М., 1987. С. 97–99), а очерк об А. П. Ермолове пересказан и частично перепечатан в статье Я. Гречишниковой «А. П. Ермолов в воспоминаниях В. П. Бурнашева» (Я – россиянин (Алексей Петрович Ермолов). Орел, 2002. С. 134–138).

⁴⁰ Рейсер С. А. Монтаж и литература // Аронсон М. И., Рейсер С. А. Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 12.

⁴¹ Андроников И. Лермонтов: исследования и находки. М., 1977. С. 42, 48.

деньги в первой половине 1870-х гг., когда в основном разворачивалась его мемуарная деятельность, ему были очень нужны, поэтому он растягивал и беллетризовал свои тексты, во-первых, вводя в них сюжет (описание литературного вечера или визита к писателю) и, во-вторых, используя печатные источники. При этом он приводит массу конкретных сведений, нередко совершенно не нужных для изложения. Память его порой подводит, а возможность проверять информацию в библиотеке у него была не всегда. В результате у Бурнашева события разных лет в ряде случаев синхронизируются, лица, никогда не собиравшиеся вместе, сводятся в одно помещение и т. д. Бурнашев может неправильно привести имя и отчество известного лица, ошибиться в датировке события, но сами блоки, из которых он «складывает» свою «конструкцию», достоверны, то есть события имели место или, по крайней мере, о них шла речь.

К схожим выводам пришел ученик Оксмана Н. И. Мордовченко, который в заметках об очерке Бурнашева «Мое знакомство с Воейковым в 1830 г. <...>» писал: «Бурнашев отличается от многих мемуаристов тем, что пишет с цитатами, библиографическими ссылками, с оглядкой на других очевидцев воскрешаемой эпохи. Эти ссылки не всегда точны, он много доверяет памяти, цитаты в большинстве случаев не прикрепляются к источникам, но везде – густая насыщенность материалом. <...> обращение к старым журналам, о которых идет речь в воспоминаниях, сверка цитат и упо-

минаний показывает, что Бурнашев не выдумывал, а работал на материале»⁴².

Тут мы затрагиваем важную проблему мемуаристики. Дело в том, что разные аспекты воспоминаний могут быть в разной степени достоверны. Так, автор, будучи скрупулезно точным в датах и фактической стороне дела, может путем перестановки акцентов, «опущения» определенных деталей и т. п., даже избегая прямых оценок, дать событиям совершенно искаженную интерпретацию. С другой стороны, ошибаясь в деталях, мемуарист может исторически достоверно воссоздать атмосферу времени и репутации описываемых лиц. Нередко Бурнашев достаточно точно повествует о том, что видел и слышал сам, но наиболее ценен он там, где добросовестно фиксирует слухи, сплетни и анекдоты, циркулировавшие в русском обществе второй четверти XIX в. Сам слух может быть недостоверным, но он также является историческим фактом, и для правильного понимания событий прошлого нужно знать не только событийную сторону, но и то, что думали и говорили об этом современники. В этом аспекте Бурнашев незаменим: его многочисленные мемуарные очерки – настоящая энциклопедия слухов и афоризматически запечатленных литературных репутаций.

Так что, если не ждать от его рассказов точных датировок или описаний какого-то конкретного события, а использовать сведения о бытовавших в то время слухах и анек-

⁴² РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 1265. Л. 2–2 об.

дотах (а они тоже являются литературным фактом), или о внешнем виде, или о репутации того или иного литератора, мы получим ценную информацию. Кроме того, по некоторым второстепенным печатным изданиям («Северный Меркурий», «Гирланда», «Le Furet»), характерным для литературного быта того времени, воспоминания Бурнашева – по сути единственный источник сведений.

Отдельно нужно остановиться на любви Бурнашева к анекдотам. Он их запоминал, записывал⁴³ и рассказывал. С. Ф. Либрович вспоминал: «Бурнашев был усерднейшим рассказчиком анекдотов из жизни писателей, государственных и общественных деятелей. В его анекдотах, хотя и не всегда достоверных и полных сплетен, было однако много интересных черточек для характеристики разных лиц»⁴⁴. Первая треть XIX в. была периодом расцвета жанра салонного анекдота и славилась талантливыми их рассказчиками (Ф. В. Растопчин, Д. Е. Цицианов, В. И. Апраксин, А. М. Пушкин

⁴³ Бурнашев не раз писал, что фиксировал различные разговоры и анекдоты в записной книжке (см., например: Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 10. С. 602; № 11. С. 143; Воспоминания об А. Е. Измайлове // Дело. 1874. № 4. Паг. 1. С. 168. Подп.: Эртаулов). Правда, одновременно он утверждал, что его архив в 1864 г. сгорел (см.: Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 9. С. 278; Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834–1850 // Русский вестник. 1872. № 12. С. 703).

⁴⁴ Либрович С. Ф. Указ. соч. С. 30.

и др.). В салоны великосветские Бурнашев не был вхож, но нередко посещал менее значимые, а также литературные вечера (Н. И. Греча, А. Ф. Воейкова). Так или иначе, он располагал большим запасом анекдотов о русских литераторах, государственных и административных деятелях, военачальниках и т. д. В этом он не был одинок, ряд литераторов в ту эпоху собирали анекдоты: П. А. Вяземский, А. Е. Измайлов, А. С. Пушкин, Н. В. Кукольник и др., первые два из упомянутых даже публиковали их⁴⁵. Но в их литературной деятельности это было маргинальной чертой, основную известность им приносили другие жанры.

Бурнашев же поставил анекдоты в центр своих писаний. Многими из них он заполнял воспоминания⁴⁶, ряд его мемуарных очерков представляли собой один растянутый анекдот⁴⁷, публиковал он и подборки анекдотов. Так, в 1872–1873 гг. он выпустил под псевдонимом И. Попов пятитомную книгу «Энциклопедия весельчака: Собрание 5000 анекдотов древних, новых и современных», а в 1873 г. вел в газете «Биржевые ведомости» рубрику «Клуб анекдотистов и

⁴⁵ См., например: *Вяземский П. А.* Выдержки из записной книжки // Московский телеграф. 1827. № 6. С. 90–95; *Он же.* Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 218–230; *И. [Измайлов А. Е.]* // Благонамеренный. 1818. № 1; 1819. № 5; 1821. № 1, 3, 6; 1824. № 1, 2; *Он же.* Смесь // Северная пчела. 1829. № 102.

⁴⁶ См., например, очерки «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания» и «Воспоминания об А. Е. Измайлове».

⁴⁷ См., например: Невидимка уланский офицер // Биржевые ведомости. 1873. № 96; Рыцари-тамплиеры Невского проспекта (1829 г.) // Там же. 1873. № 136.

каламбуристов».

Ряд исследователей считают, что в пушкинскую эпоху существовал анекдот как литературный жанр⁴⁸. С этим можно согласиться, но со значительными оговорками. Если, скажем, литературная сказка и литературная песня существуют независимо от фольклорных, то литературный анекдот – это обычно запись устного анекдота, пусть и литературно обработанная. Трудно представить себе, что кто-то специально создает анекдоты для публикации, а не для рассказывания. В печати анекдоты существуют или как запись устных анекдотов, или как элементы сложной литературной конструкции (например, «Table-talk» Пушкина или «Старая записная книжка» Вяземского, где анекдоты перемежаются воспоминаниями, размышлениями, остротами и т. д., создавая сложный синтез), или как основа для рассказа или короткой повести.

Иная ситуация сложилась в 1870-х, когда шли реформы (освобождение крестьян, судебная и военная реформы и др.) и быстро менялись образ жизни, бытовые условия и т. д. Как реакция на эти изменения усилился интерес к прошлому. Многие персонажи анекдотов 1820–1840-х гг. к тому време-

⁴⁸ См.: Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века / Сост. и примеч. Е. Курганова, Н. Охотина; вступ. ст. Е. Курганова. М., 1990; *Курганов Е.* Литературный анекдот пушкинской эпохи. Helsinki, 1995 (переиздание в России: Анекдот и литературно-придворный быт. М., 2018); *Белова Н. А.* Литературный анекдот в русской прозе и периодике первой трети XIX в. Нижневартовск, 2008.

ни умерли, кроме того, и цензурные требования существенно смягчились, в результате возникла возможность обнаруживать анекдоты того времени уже не как современный, а как исторический материал.

Е. Курганов в своих работах о русском литературном анекдоте выделяет две линии в его развитии – аристократическую и буржуазную. По его мнению, «Вяземский, создавая апологию русской дворянской культуры, обосновывая ее особую цивилизаторскую миссию, подчеркивая, что эта культура выразилась не только в шедеврах искусства, но и в несомненной высоте форм быта („утонченность общежития“) <...> во многом опирался на литературный (историко-биографический) анекдот». В эти же годы (1830–1840-е) «беллетрист, драматург, поэт, художественный критик Н. В. Кукольник также стал собирать анекдоты. Причем отбор сюжетов проводился абсолютно целенаправленно, даже жестко, определяясь установкой на компрометацию блистательности придворно-дворянского быта, на резкое обнажение поверхностности российского европеизма и скрывающуюся под ним дикость нравов»⁴⁹.

Бурнашев был представителем второй линии, он по большей части стремился дезавуировать представителей аристократии и высокопоставленных чиновников. Особенно наглядно эта тенденция проявилась в тех анекдотах нецензурного характера, которые он писал не для публикации, а для

⁴⁹ Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи. С. 186.

Н. С. Лескова, платившего Бурнашеву за них, чтобы поддержать престарелого и не имеющего ни пенсии, ни заработка литератора и чтобы, возможно, использовать в своей литературной работе (как использовал он автобиографию «Мой литературный формуляр...», опубликовав ее со своими комментариями в очерке «Первенец богемы в России»).

Составляя настоящий сборник, я оказался в сложной ситуации. У меня не было возможности собрать в этом издании все мемуарные тексты Бурнашева, поскольку получилось бы не менее трех объемистых томов, на что не рассчитана данная серия и что потребовало бы очень трудоемкой работы. Кроме того, «ретроспективные» (по определению автора) тексты Бурнашева можно условно разделить на три части, причем если первые две (собственно воспоминания Бурнашева и воспоминания, записанные с чужих слов) можно отнести к числу мемуаров, то третья носит иной характер, представляя собой историко-литературные очерки, написанные на основе публикаций переписки и воспоминаний, как, например, обширный текст «Воспоминания об А. Е. Измайлове». О характере работы над этим очерком Бурнашев писал в 1867 г. В. Р. Зотову: «Воспоминания эти не вполне мои, так как я помню А. Е. Измайлова бывши тогда мальчиком очень небольшим; а переданы мне особою гораздо постарше меня и бывшею ему сродни. <...> Особа, мне сообщившая эти подробности и анекдоты, передала мне также

очень много нигде не напечатанных и боявшихся строгости тогдашней цензуры стихотворений Измайлова (таких стихотворений в очерке нет. — А. Р.), а главное, полный за несколько лет экземпляр „Благонамеренного“ (журнал Измайлова. — А. Р.) с презанимательною картиною того времени и понятий тогдашних»⁵⁰. Для написания очерка об Измайлове Бурнашев помимо комплекта «Благонамеренного» использовал еще несколько источников: «Мелочи из запаса моей памяти» М. А. Дмитриева (Изд. 2. М., 1869), статью Е. Я. Колбасина о Д. И. Хвостове «Певец Кубры» (Время. 1862. Кн. 6), письма Измайлова И. И. Дмитриеву (Русский архив. 1871. № 7/8) и статью А. Д. Галахова в «Современнике» об издании сочинений Измайлова (1849. № 12; 1850. № 10, 11). Собственно воспоминаний, даже чужих, там очень мало.

Не мог я следовать выбору самого Бурнашева, готовившего собрание своих текстов для издания у М. Вольфа. Он вырезал все анекдоты из очерков, объединив их с взятыми из печатных источников чужими в отдельный том, вычеркнул ряд фрагментов и, самое главное, насытил предисловие и некоторые очерки обширной, грубой и неубедительной полемикой со своими критиками. Тем самым он существенно изменил мемуары, а ведь литературным фактом стали именно публикации их в периодике.

Нецелесообразно было повторять и состав сборника Ю. Г. Оксмана, поскольку он планировал издать книгу весьма

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 548. № 28. Л. 95.

небольшого объема и использовал только публикации в журналах, причем его интересовали лишь мемуары о литераторах, а я считал нужным отразить также газетные публикации, в том числе воспоминания о государственных деятелях и о рядовых людях той эпохи.

Поэтому в сборник были включены те мемуарные очерки, которые являются, с моей точки зрения, наиболее интересными и информативными. Вначале помещены ключевые для мемуаристики Бурнашева очерки о литературных салонах, а далее они даны в хронологическом порядке описываемых событий.

Отмечу еще несколько моментов, касающихся содержания книги. В воспоминаниях Бурнашев неоднократно упоминает свой возраст, из которого следует, что он считал годом своего рождения 1812-й, однако в свидетельстве из консистории, данном в 1829 г.⁵¹, значится 1810 год. У меня нет сведений, какая из этих дат верна, я только оговариваю здесь это обстоятельство, чтобы не возвращаться к нему в комментариях.

Очерки Бурнашева печатаются с учетом современных норм орфографии и пунктуации, но с сохранением ряда особенностей написания Бурнашева («танцовать», «галстух» и т. п.), кроме того, в тексте раскрыты нестандартные сокращения имен и отчеств (типа «Вас. Гр.»). Переводы ча-

⁵¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Ед. хр. 7121. Л. 66.

сти многочисленных предложений, приведенных в тексте на французском языке, были даны в оригинале. Возможно, перевод делали сотрудники периодических изданий, в которых печатались мемуарные очерки Бурнашева; хотя некоторые места переведены неполно или неточно, эти переводы оставлены без исправлений. При комментировании использованы те примечания Ю. Г. Оксмана, которые носили исследовательский характер, с указанием, что они принадлежат ему. Реалии комментируются только при первом упоминании.

Хочу поблагодарить Веру Аркадьевну Мильчину, оказавшую неоценимую помощь в подготовке этой книги переводом с французского наиболее сложных выражений и комментариями некоторых французских реалий, а также Алексея Юрьевича Балакина, Илью Юрьевича Веницкого, Екатерину Игоревну Вожик, Наталью Александровну Гринченко, Ларса Клеберга, Татьяну Владимировну Мисникевич, Полину де Мони, Наталию Алексеевну Огаркову, Сергея Алексеевича Попова, Дамиано Ребеккини, Льва Иосифовича Соболева, Леонида Сергеевича Чекина, Манфреда Шрубу и Ирину Евгеньевну Юдину за справки по ряду конкретных вопросов.

А. И. Рейтблат

В. П. Бурнашев – газетчик и мемуарист середины XIX века⁵²

Владимир Петрович Бурнашев (1812–1888) вошел в литературу в 1828 г., в год рождения Л. Н. Толстого и Н. Г. Чернышевского. Его первым журнальным ментором был П. П. Свиньин, заказавший ему для «Отечественных записок» некролог вдовы императора Павла, а первой формой литературного гонорара, с которой познакомился будущий сотрудник «Дела» и «Биржевых ведомостей», была «награда перстеньком» из дворцовой канцелярии – «ценою в 100 рублей ассигнациями с бриллиантовой пылью» – по тарифной сетке царского двора, установленной для придворных одописцев XVIII столетия.

В течение двух-трех лет литературная работа являлась для Бурнашева лишь бесплатным приложением к канцелярской. Рецензии, очерки, переводы и компиляции всякого рода, которыми он снабжал «Отечественные записки», «Северный Меркурий»⁵³, быстро открыли перед ним двери влия-

⁵² Печатается по: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 3–21. Первоначально статья называлась «В. П. Бурнашев и его воспоминания». Позднее (видимо, во второй половине 1950-х или в первой половине 1960-х гг.) Ю. Г. Оксман внес ряд исправлений в рукопись, надеясь, скорее всего, опубликовать предисловие как отдельную статью. (*Примеч. публикатора.*)

⁵³ Зачеркнуто: «Le Furet», «Литературные прибавления к Русскому инвалиду»

тельных литературных салонов, но сколько-нибудь заметно-го положения в них он все же не занимал до самого своего внедрения в «Северную пчелу».

В «Отечественных записках» и в «Литературной газете», в которых печатался Бурнашев, вскоре стал участвовать и Гоголь. В его письме от 19 декабря 1830 г. к родным сохранился и первый по времени авторитетный литературный отклик на писания Бурнашева.

«Что вы нашли моего в этом лоскутке бумаги? И я, посвятивший себя всего пользе, обрабатывающий себя в тишине для благородных подвигов, пушусь писать подобные глупости, унижусь до того, чтобы описывать презренную жизнь каких-то низких тварей, и таким площадным, вялым слогом. <...> Даже имя, подписанное под этой статьею, не похоже на мое – там, если не ошибаюсь, написано: „В. Б – в“. Зная, что вы мне не поверите без доказательства (я не знаю, чем я утратил ваше ко мне доверие; я вам говорил, что вы не встретите в посылаемом вам журнале ничего моего; вы мне не поверили), я старался всеми силами узнать имя автора этой пиесы, и наконец узнал, что с моей стороны и не хорошо, потому что автор сам, может быть, чувствовал глупость этой статьи и не выставил полного своего имени, а я принужден объявить: это некто *Владимир Бурнашев*, служащий здесь, говорят, даже хороший молодой человек»⁵⁴.

и др. издания начала 30-х гг. (Примеч. публикатора.)

⁵⁴ Письма Н. В. Гоголя / Ред. В. И. Шенрока. СПб., [1901]. Т. 1. С. 167.

Определенной линии общественно-литературного поведения у В. П. Бурнашева в начале 1830-х гг. еще не было. Он одновременно участвовал и в органах печати, близких Пушкину и его окружению («Литературная газета», «Литературные прибавления к Русскому инвалиду»), и в изданиях, резко враждебных Пушкину, как слева (буржуазно-радикальный «Северный Меркурий»), так и справа (официозная «Северная пчела»). Эта наивная безответственность начинающего автора была юмористически обнажена в 1831 г., когда А. Ф. Воейков и М. А. Бестужев-Рюмин, в самом разгаре полемики «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» с «Северным Меркурием», оба воспользовались инициалами В. Бурнашева для подписи направленных ими друг против друга статей.

Период безвестного прозябания кончился для Бурнашева в 1832 г.

Как мастер рекламно-авантюрных жизнеописаний «русских гениев» из низов, как популяризатор талантливых самородков-новаторов в области фабрично-заводской и кустарной промышленности, он умело приспосабливается на страницах «Северной пчелы» к интересам основной массы ее читателей, согласуя в то же время свой фельетонный материал с агрессивнo-протекционистским курсом русской официальной экономической политики 30-х гг. Одно из позднейших мемуарных признаний Бурнашева не оставляет сомнений в том, что он отдавал себе полный отчет в характере

заказа, выполняемого его писаниями о табачном фабриканте Василии Жукове, о скрипичном мастере Батове, о сургучнике и макаронщике Плигине, о резчике Василии Захарове и о многих других замечательных русских «изобретателях и производителях».

«Я тогда питал, – вспоминал Бурнашев, – приобретенную мною еще от первоначального моего сотрудничества у Павла Петровича Свинына, издателя прежних „Отечественных записок“, страстишку к русским фабрикантам, ремесленникам, торговцам, особенно ежели люди эти были мало-мальски замечательные самородки. Отсюда ряд восторженных моих статей в „Северной пчеле“ о различных производителях чисто русского закала. Успех статьи моей о Вас. Гр. Жукове, наделавшей так много шума в столице и даже в России, заставил Греча относиться ко всем этого рода моим статьям с любезною снисходительностью и даже некоторою внимательностью, основанными, с одной стороны, на том, что раза два тогдашний шеф Корпуса жандармов, обоготворяемый Гречем, Александр Федорович Бенкендорф похвалил эти статьи за их направление и сказал, что они приходятся даже по вкусу государю императору, желающему всевозможных успехов отечественной фабричности и ремесленности, в необходимом развитии которых его поддерживал своими постоянными доводами министр финансов Е. Ф. Канкрин. С другой стороны, Греч ценил статьи мои еще и потому, что они делали фурор между читателями Гостино-

го двора и вообще между читателями из почтенного „российского купечества“, которые, по прочтении этих довольно романических, правда, монографий русских ремесленников или торговых людей, частенько восклицали: „Ишь ты, „Пчелка“-то как славно, шельма, жужжит! Ан, наш брат русак-то агличанина аль немца иного так себе за пояс-то затыкает!“ И эти патриоты сильно подписывались на „Пчелку“»⁵⁵.

В первом ряду фельетонистов «Северной пчелы» В. П. Бурнашев оставался около трех лет, в течение которых весь запас культивируемых им тем оказался, очевидно, исчерпанным. Постепенно вытесняемый из газеты В. М. Строевым, публицистом с более ярким и разносторонним литературным багажом, Бурнашев пошел не на расширение своего фельетонного репертуара, а на работу в совершенно новой для него области: в 1835 г. он успешно дебютировал как детский писатель.

Первая «Детская книжка на 1835 год, которую составил для умных, милых и прилежных маленьких читателей и читательниц Владимир Бурнашев» встречена была восторженной рецензией Белинского: «Мы взяли эту книжку с полной уверенностью, что найдем в ней пошлый вздор, – и приятно обманулись в своем ожидании, – писал Белинский в „Молве“ в 1836 г., – г-н Бурнашев обещает собою хорошего писателя

⁵⁵ *Петербургский старожил* В. Б. [Бурнашев В. П.] Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834–1850 // *Русский вестник*. 1872. № 5. С. 49.

для детей – дай-то бог! Его книжка – истинный клад для детей. Первая повесть, „Русая коса“, бесподобна. Именно такие повести должно писать для детей. Питайте и развивайте в них чувство; возбуждайте чистую, а не корыстную любовь к добру, заставляйте их любить добро для самого добра, а не из награды, не из выгоды быть добрыми; возвышайте их души примерами самоотвержения и высоты в делах и не скучайте им пошлою моралью. <...> Мы очень рады, что можем отдать г. Бурнашеву должную справедливость и уверить его, что мы почитаем себя вправе многого надеяться от него»⁵⁶.

Ожидания Белинского, однако, не оправдались. С 1835 по 1838 г. Бурнашев (под именем Виктора Бурьянова) выпустил, правда, около полутора десятков оригинальных и переводных книг для детского чтения, но художественный и моральный уровень всех этих «Прогулок с детьми» по С.-Петербургу, по России и даже по «Земному шару», «Библиотек детских повестей и рассказов», «Энциклопедических русских азбук» и пр. и пр. был до крайности убог, а идеологический уровень откровенно приспособлен к той же системе показной «официальной народности», которую Бурнашев популяризировал в своих фельетонах о русских самородках в «Северной пчеле». Петербургский псевдонародный

⁵⁶ Полное собрание сочинений В. Г. Белинского / Под ред. и с примеч. С. А. Венгерова. СПб., 1900. Т. 2. С. 447–448. Резко отрицательные отзывы Белинского о Бурнашеве в «Московском наблюдателе» 1838 г. и в «Отечественных записках» 1844 г. см.: Там же. Т. 3. С. 304–316; Т. 8. С. 431–432.

эпос, героями которого были для Бурнашева такие двигатели национальной промышленности, как В. Жуков, Чурсинов, Плигин, Серебрянников и Головкин, естественно смыкался в его рассказах для детского чтения с идиллическими фантазмагориями из крестьянской жизни, тенденциозно подменявшими реальную бытопись русской крепостной деревни этой поры⁵⁷.

«Бурьянов пишет для детей так много, что один журнал назвал его за плодovitость детским Вальтером Скоттом, — отмечал Белинский, имея в виду иронический отзыв Сенковского в „Библиотеке для чтения“. — В самом деле, г. Бурьянов много пишет, и потому между ним и В. Скоттом удивительное сходство! Против этого нечего и спорить. А между тем г. Бурьянов все-таки самый усердный и деятельный писатель для детей, и если бы в литературной деятельности этого рода все ограничивалось только усердием и деятельностью, т. е. если бы тут не требовалось еще призвания, талан-

⁵⁷ Очень характерны для Бурнашева, например, следующие строки «Прогулки с детьми по Земному шару», вышедшей в 1844 г. уже третьим изданием: «Говоря об обеде, я вспомнил, что уж полдень, мужичок и его жена просят нас, со свойственным им радушием и гостеприимством, хлеба-соли у них откусать. Стол накрыт чистою скатертью; за неимением стульев, сядем на скамью; вот готовят жирные блины, какие славные щи, какая кулебяка с рыбой и капустой, какая вкусная гречневая каша в горшке: она пышет паром; мы наложим себе ее много на деревянные тарелки и будем есть деревянными ложками вместе с прекрасным топленым маслом; только что кончили, нам подают жареного поросенка, начиненного кашею, а потом преогромную баклагу с простоквашею и тарелку с творогом; хозяйская дочка набрала в своем садике крыжовнику, малины и смородины и потчует нас».

та, высших понятий о своем деле и, наконец, знания языка, то мы бы первые были готовы оставить за ним имя какого угодно гения <...>»⁵⁸

Количество у Бурнашева никогда не переходило в качество. Его провалы как поставщика литературы для детей настолько серьезны, что даже в своем позднейшем литературном формуляре Бурнашев предпочитал обойти полным молчанием все свои многочисленные труды второй половины 30-х гг., не отметив даже вскользь своих лавров пионера в сфере оригинальной детской и юношеской литературы, чтобы иметь право не касаться и обстоятельств своего неожиданно быстрого провала на этом пути.

Переход на новые позиции совершен был, однако, в полном порядке. Фельетонист «Северной пчелы» и детский писатель облюбовал для себя почти не тронутую до него область массовой научно-популярной литературы, преимущественно сельскохозяйственной. Материал одной из его ранних книжек – «Беседа с детьми о хозяйстве домашнем, сельском, мануфактурном и о торговле» – получил новую жанровую форму в бойких «Разговорах о сельском хозяйстве с воспитанниками Удельного земледельческого училища» (6 тетрадей. СПб., 1836–1839), в «Энциклопедии молодой русской хозяйки» (1839), в «Беседах петербургского жителя о сельском хозяйстве» (1838–1845), в «Деревенском старосте Мироне Иванове» (1839) и многих других компиляциях. Сов-

⁵⁸ [Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953. Т. 2. С. 375.]

мещаю эту работу с административно-педагогической деятельностью в Образцовом земледельческом училище, Бурнашев изредка начинает печататься в специальных отделах «Отечественных записок», в то самое время, когда в этом журнале появлялись статьи Белинского, Герцена, В. И. Даля, В. Ф. Одоевского и др.⁵⁹

Выход в свет в 1844 г. отрецензированных Бурнашевым «Воскресных посиделок» – серии научно-популярных книжек «для доброго народа русского» – ставит, однако, крест на отношениях Бурнашева с органами прогрессивной печати. Фальшивый, приторно-официозный стиль, литературная беспомощность и рептильно-казенные установки этого издания вызывают резкие протесты на страницах «Отечественных записок» и «Литературной газеты», сводящиеся к формуле: «Сочинитель или сочинители взялись не за свое дело – учить „добрый“ народ русский. Учить его могут только те, которые с истинным литературным талантом и высоким образованием соединяют теплую любовь к народу, понимают его потребности, сочувствуют его нуждам. В Англии для народа пишут такие люди, как лорд Брум, во Франции – Ламартин, Дюпен. А у нас большею частью принимаются за это дело бог знает кто»⁶⁰. Сельскохозяйственные агитки в стихах,

⁵⁹ Из очерков и заметок В. Бурнашева в «Отечественных записках» сошлемся на «Овцеводство в Великобритании» (1841. № 8), «Картофельное пиво» (1841. № 4), «Крестьянская свадьба в Нижегородской губернии» (1843. № 1).

⁶⁰ Отечественные записки. 1844. № 5. Отд. VI. С. 50–52. Автором этой рецензии, как установлено В. С. Спиридоновым (Полное собрание сочинений В. Г. Бе-

которыми Бурнашев неудачно пытался оживить текст «Воскресных посиделок», печатно интерпретировались как приемы самого низкопробного виршеплетства⁶¹.

Молодой Некрасов в стихках «Крапива», «Устрицы», «Артишоки» пародировал призывы Бурнашева к культуре картофеля, а в послании «Рифмачу» увековечил его же рассуждения «При осторожности погрома не страшись» и пр., явно предвосхищавшие некоторые строфы Козьмы Пруткова.

Рифмачу

При бесталанности стихов ты не пиши

линского. М., 1926. Т. 12. С. 552), был Белинский, которому, вероятно, принадлежат и другие отклики на «Воскресные посиделки» в журнале Краевского (Отечественные записки. 1844. № 4, 6, 8, 9; 1846. № 1). (В. Э. Боград также атрибутирует эти рецензии Белинскому, см.: *Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки», 1839–1848: указатель содержания. М., 1985. – А. Р.*) Белинский же установил плагиат Бурнашева, перенесшего в «Воскресные посиделки» целые листы из «Деревенского зеркала» 1798 г.

⁶¹ Ср., например: Картофель! Харч благословенный, Во время скудости для всех бесценный, И хлебом кто нуждается, Картофелем нередко пропитается. Картошки и вкусны, и сытны, и сладки, Поганства в них нет, и лишь гадки Те люди, которые мнят, Что богом картофель проклят. (Воскресные посиделки. Первый пяток. СПб., 1844. С. 42). Пародии Некрасова на эти вирши (Литературная газета. 1844. № 15. С. 270; № 17. С. 304; № 38. С. 646) перепечатаны в: Полное собрание стихотворений Н. А. Некрасова / Ред. и примеч. Корнея Чуковского. Изд. 3. М.; Л., 1928. С. 416–418). См. также: Литературная газета. 1844. № 8. С. 152.

И человечества собою не смеши,
Не славу тем себе, а стыд приобретаешь,
Что ты стишищами дубовыми несешь.

Свой литературный престиж, совершенно было подорванный «Воскресными посиделками», Бурнашев восстановил в 1848 г., выпустив в свет «Терминологический словарь сельского хозяйства». Этим специальным трудом и большим стажем журнальной работы (со второй половины 40-х гг. он принимал ближайшее участие в «Экономе» Булгарина) было облегчено несколько неожиданное на первый взгляд выдвижение Бурнашева на амплуа редактора «Трудов Императорского Вольного экономического общества». В своей новой роли Бурнашев проявил исключительные организаторские способности, сумел связаться с широкими кругами читателей, поднял в десять и двадцать раз тиражи порученных ему изданий, но все эти успехи куплены были ценою резко снижения научной значимости всей продукции общества. Под авторитетной маркой последнего стала печататься подчас явная дребедень, ярко отражавшая в сфере специальной сельскохозяйственной литературы политические тенденции воинствующего мракобесия последних лет николаевской реакции.

«Рачением Бурнашева, – вспоминает в своем „Загоне“ Н. С. Лесков, – почти одновременно вышли две хозяйственные брошюры: одна „О благотворном врачебном действии

коры и молодых побегов ясеневых дерева“, а другая „О целебных свойствах лоснящейся сажки“. Исправники и благочинные должны были содействовать распространению этих полезных брошюр.

В брошюре о ясеневом сообщалось, что этим деревом можно обезопасить себя от ядовитых отрав и укушений гадами. Стоило только иметь при себе ясеневую палочку – и можно легко узнавать, где есть в земле хорошая вода; щелоком из ясеневой коры стоит вымыть ошелудивевших детей, и они очистятся; золою хорошо парить зачесы в хвостах у лошадей. Овцам в овчарню надо было только ставить ветку ясеня, и овцы ягнились гораздо плодуще, чем без ясеня. Бамам яшень унимал кровоток и еще делал много других вещей, про которые через столько лет трудно вспомнить. Но избяная „лоснящаяся сажка“ превозносила еще выше.

В брошюре о сажке, которая была гораздо объемистее брошюры о ясеневом, утвердительно говорилось, что ею, при благословении Божиим, можно излечивать почти все человеческие болезни, а особенно „болезни женского пола“. Нужна была только при этом сноровка, как согреть сажку, т. е. скрести ее сверху вниз или снизу вверх. От этого изменялись ее медицинские свойства; собранная в одном направлении, она поднимала опавшее, а взятая иначе, она опускала то, что надо понизить. А получать ее можно было в русских курных избах и нигде иначе, так как нужна была сажка *лоснящаяся*, которая есть только в русских избах, на стенках, натертых

мужичьими потными загорбками. Пушистая же или лохматая сажа целебных свойств не имела. На Западе такого добра уже нет, и Запад придет к нам в загон за нашей сажей, и от нас будет зависеть, дать им нашей копоты или не давать; а цену, понятно, можем спросить, какую захотим. Конкурентов нам не будет. Это говорилось всерьез, и сажа наша прямо приравнивалась к ревеню и калганному корню, с которыми она станет соперничать и потом убьет их и сделается славою России во всем мире.

Загон был доволен: осатанелые и утратившие стыд и смысл люди стали расписывать, как лечиться сажею. „Лоснящуюся“ сажу рекомендовалось разводить в вине и в воде и принимать ее внутрь людям всех возрастов, а особенно детям и женщинам. И кто может отважиться и сказать: скольким людям это стоило жизни! Но тем не менее брошюра о саже имела распространение»⁶².

В условиях революционной ситуации конца 50-х и начала 60-х гг. В. П. Бурнашев несколько растерялся. Крах николаевской системы, разметав «загон», выбил почву из-под ног и у ответственного редактора «Трудов Вольного экономического общества». Вынужденный в 1857 г. уйти из общества, Бурнашев пытается, правда, нащупать связи с новой аудиторией, начинает издавать «Листок для всех», еженедельную «газету реальных знаний, промышленности, хо-

⁶² Лесков Н. С. Полное собрание сочинений. 3-е изд. СПб., 1903. Т. 20. С. 141–143.

зяйства, домоводства и общедоступной медицины», усваивает даже модную обличительную тематику, разоблачая высокопоставленных петербургских дилетантов экономистов и агрономов, с которыми он сам еще так недавно был связан, — но ни эти писания, ни сама газета успеха не имеют. Не пускаемый в большие журналы, бедствуя или работая за гроши над дешевыми компиляциями вроде «Популярной хозяйственной библиотеки», «Русских людей всех сословий и всех эпох», сборника 5000 анекдотов «Весельчак»⁶³ и т. п., Бурнашев решает на время отойти от литературы и принимает приглашение на службу в Юго-Западный край.

О своей работе с 1864 по 1867 г. в качестве председателя съезда мировых судей в Балтском и Летичевском уездах Подольской губернии Бурнашев достаточно подробно повествует в своем «формуляре», пересказывать который здесь нет оснований⁶⁴. Следует учесть только, что после возвращения в Петербург он еще года два пробавлялся случайной секретарской работой и только в 1870 г. вновь появился в печати уже как мемуарист или, точнее, по собственной его формулировке, как «фельетонист по ретроспективной части».

⁶³ Правильно — «Энциклопедия весельчака». (*Примеч. публикатора.*)

⁶⁴ Имеется в виду автобиография Бурнашева «Мой литературный формуляр и нечто вроде *acquis de conscience*: кто такой в литературной петербургской братии Владимир Петрович Бурнашев», опубликованная в составе очерка Н. С. Лескова «Первенец богемы в России». Очерк этот Оксман собирался включить в сборник, предисловием к которому должна была служить публикуемая нами его статья. (*Примеч. публикатора.*)

В одном из вариантов своей автобиографии⁶⁵ Бурнашев отмечает, что к пробе своих сил в новой области он обратился под впечатлением годовой работы у кн. Ю. Н. Голицына, знаменитого дирижера и экс-эмигранта, бывшего тамбовского предводителя дворянства, увековеченного в «Былом и думах» Герцена. Под его диктовку Бурнашев записывал, а потом переводил на русский язык французский текст воспоминаний, частично опубликованных кн. Голицыным в 1870 г. под названием «Прошедшее и настоящее». В том же году (Точнее, в 1871 г. – *А. Р.*) дебютировал в новом амплуа Петербургского старожила В. Б. и сам В. П. Бурнашев, поместив в «Заре» В. В. Кашпирева два мемуарных очерка: «Аракчеев и крестовская карусель в 1809 г.» и «Четверги у Н. И. Греча». Старый фельетонист и многоопытный литературный закройщик как бы на выбор предлагал аудитории 70-х гг. два варианта мемуарного письма – один (анекдотическая тематика старого Петербурга в «Крестовской карусели») явно тяготел к традиционным формам исторической беллетристики, другой («Четверги у Н. И. Греча») давал более ответственную и осторожную экспозицию литературно-бытового материала по обычному типу воспоминаний о лично виденном, слышанном и пережитом.

⁶⁵ «Жизнь пережить – не поле перейти». Рукопись, датированная 19 апреля 1877 г., в бумагах Н. С. Лескова в рукописном отделении Пушкинского Дома. [Шифр рукописи Бурнашева «Жизнь пережить – не поле перейти и Свет не без добрых людей» в фонде Лескова следующий: ИРЛИ. Ф. 220. № 3. (*Примеч. публикатора.*)]

В широких читательских кругах обе линии мемуарных писаний Бурнашева имели настолько большой и общепризнанный успех, что перед ним сразу раскрылись двери нескольких газет и журналов. Заказами на воспоминания он был обеспечен на два-три года вперед, а в «Русском мире» В. В. Комарова получил и штатное место фельетониста. Как удостоверяет Бурнашев в своей автобиографии, политических передовиц он не писал и вообще направлению «Русского мира» не сочувствовал, ибо «газета воняла ретроградностью самую домостройскою и нелепым крепостничеством»⁶⁶. Однако эти расхождения во взглядах не мешали Бурнашеву полтора года активно работать в «Русском мире» и при помощи знакомств, завязанных в литературно-политическом салоне В. В. Комарова, получить приглашение в «Русский архив» П. И. Бартенева и принять заказ М. Н. Каткова и Н. И. Любимова на 50 листов воспоминаний (по 60 руб. лист) для «Русского вестника».

В этих изданиях использован был в течение 1871–1872 гг. основной фонд мемуарных писаний В. П. Бурнашева, посвященных его журнальным, салонно-литературным, светским и бюрократическим связям и впечатлениям («Моя служба при Д. Г. Бибикове», «Литературные пятницы у А. Ф. Воей-

⁶⁶ Рукопись в бумагах Пушкинского Дома. За свои мемуарные фельетоны Бурнашев получал в «Русском мире» по 50 руб. с листа в 32 000 букв, а за сотрудничество по всему внутреннему отделу газеты сверх того 2000 руб. в год. Общая сумма литературного заработка Бурнашева в 1871–1872 гг. доходила до 5000 руб. в год.

кова», «Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности», «Мое знакомство с И. Н. Скобелевым», «Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников»). Вперемежку с «ретроспективными фельетонами» в широко распространенных журналах он печатал еще в «Ведомостях Санкт-Петербургского градоначальства» (по контракту за 1200 руб. в год) историко-этнографические очерки, основанные на изучении быта, нравов и промыслов петербургских трудовых низов (мастеровых, ремесленников, рыбаков, охотников, мелких торговцев и т. д. и т. п.). Этот опыт освежения жанра физиологических очерков 40-х гг. с акцентировкой на моментах производственно-экономического порядка не занял видного места в литературном формуляре Бурнашева только потому, что официальная газетка, в которой этот материал появлялся, была, конечно, вне литературы. В последней Бурнашев занимал определенное место уже только как Петербургский старожил В. Б., как мемуарист, писания которого печатались в «Русском вестнике» рядом с «Бесами» Достоевского, сочувственно цитировались в фельетонах Буренина в «Санкт-Петербургских ведомостях», перепечатывались в прочих органах столичной и провинциальной прессы, учитывались в примечаниях к новым изданиям классиков и в специальных историко-литературных трудах.

Это были уже, однако, последние удаchi. На позициях прославленного мемуариста Бурнашев удержался не больше

двух-трех лет, а затем последовал срыв еще более тягостный и обидный, чем все предыдущие его провалы как фельетониста «Северной пчелы», как передового детского писателя, как популяризатора естественно-исторической и сельскохозяйственной литературы для крестьянских масс, как ученого редактора «Трудов Вольного экономического общества». Дискредитация Бурнашева как мемуариста, в отличие от всех предыдущих выступлений против него в печати, проведена была как определенная политическая кампания не слева, а справа. Развернутые Петербургским старожилом картины быта дворянско-бюрократических верхов николаевской поры, его зарисовки дельцов министерских канцелярий, официозных редакций и литературно-аристократических салонов 30–40-х гг. восприняты были почти как памфлет во всех тех столичных кругах, которые кровно, служебно или литературно связаны были с этим самым еще вовсе до конца не изжившим себя миром. Воспоминания Бурнашева слишком грубо нарушали все привычные формы дворянской мемуарной литературы, слишком резко рвали и с традициями помещичьих «семейных хроник», и с некрологически-выхолощенной апологетикой «милых призраков» придворно-бюрократической старины, и с салонно-барским эстетизмом рафинированных «старых записных книжек», и с безумно благонамеренной фактографией «мелочей из запасов памяти» того или иного околотитулярного обывателя.

Выход Бурнашева за пределы этого круга повествователь-

ных форм обусловлен был прежде и больше всего особенностями его положения. Маленький петербургский чиновник и литературный чернорабочий описывал, конечно, социально чуждую ему обстановку, характеризовал среду, в которой сам он был несколько инородным телом.

Дворянин только по отцу, а по матери внук немца-каретника, выросший не в барской усадьбе и в стенах привилегированного учебного заведения, а в условиях самой жестокой борьбы за существование, – Бурнашев с 16 лет должен был уже сам, без всяких материальных средств, без образовательного ценза и почти без связей пробивать себе дорогу и в жизнь, и в литературу. Поэтому, конечно, в воспоминаниях Бурнашева и не оказалось материала для элегической апологетики старого Петербурга. Разночинец, так и не завоевавший себе прочного места в аппарате помещичье-дворянской монархии, профессиональный газетчик, едва терпимый в салонах литературной аристократии, он не мог участвовать в тех попытках фальшивой идеализации общественно-литературных отношений николаевской поры, которые характерны для официозной мемуаристики и казенной историографии XIX столетия. Чем больше разворачивались воспоминания Бурнашева, тем резче сказывались в них памфлетно-разоблачительные установки мемуариста при характеристике большого света и высшей администрации 30–40-х гг., глумливо-ироническое отношение его к обломкам литературной старины, ко всей фаланге чиновных писателей-диле-

тантов, к реакционным последышам классицизма и к эпигонам альманашной поэзии пушкинской поры.

Руководящие органы консервативно-дворянской клики, открывшие свои страницы для «ретроспективных фельетонов» питомца П. П. Свинына, А. Ф. Воейкова и Н. И. Греча, чиновника канцелярий Д. Г. Бибикова и Л. А. Перовского, оказались обманутыми в своих расчетах, ибо то, что печатал Бурнашев в течение двух лет в «Русском вестнике» и «Русском мире», являлось не обычной продукцией мемуариста, умиленного прошлым, а иронически-глумливым его разоблачением⁶⁷.

С весны 1872 г. начинается кампания против Бурнашева в охранительно-дворянской печати, направляемая так, чтобы не только обеспечить изгнание мемуариста из изданий П. И. Бартенева, М. Н. Каткова и В. В. Комарова, но и сделать невозможным переход его в прессу буржуазно-либерального лагеря, в которой он мог бы, конечно, развернуться гораздо больше, чем на страницах «Русского архива» или «Русского вестника». Поэтому идеологическая подоплека выступлений против Бурнашева тщательно затушевывается, под-

⁶⁷ Эти обличительные тенденции мемуариста особенно резко выявились в характеристике Д. Г. Бибикова, Д. И. Хвостова и его литературного салона, писателей шишковского лагеря, в данных об окружении Пушкина и т. д. и т. п. Ср. также замечания об отношении сановных писателей к А. И. Подолинскому: «Из всего того, что я тут слышал, заметно было, что поэзия поэзией, а малороссийские имения в 2000 душ этого юного поклонника муз имели в глазах всех этих сладких восторженников к его личности не последнее значение».

меняясь безапелляционно-грубой дискредитацией фактической основы его воспоминаний. Неизбежные во всех мемуарах мелкие неточности, описки и даже опечатки, случайные ошибки в датах и именах квалифицировались поэтому как явные якобы доказательства невежества и хлестаковства, а конденсированные характеристики разновременных эпизодов, сдвигаемых даже очень осторожными мемуаристами по методам исторических беллетристов (см., например, «Литературный вечер у П. А. Плетнева» в воспоминаниях И. С. Тургенева или «среды» Н. В. Кукольника в передаче И. И. Панаева), дали материал, несмотря на определенные оговорки самого Бурнашева⁶⁸, для обвинения его в подлогах и перекрутках. Несмотря на резкую тенденциозность и бездоказательность большинства выдвинутых против него обвинений, судьба Бурнашева как мемуариста была уже к концу года решена, особенно после того, как выступления против него представителей петербургского большого света перешли в газеты и оказались санкционированными таким авторитетным блюстителем литературной аристократии, как престарелый князь П. А. Вяземский, и таким знатоком и исследователем преданий дворянской литературы, как М. И. Лонгинов.

⁶⁸ Так, например, характеризуя материал своих очерков «Мое знакомство с Воейковым и его пятничные литературные собрания», Бурнашев предупреждал читателей «Русского вестника», что реконструкцию вечеров у Воейкова он дает, «не соблюдая строгого исторического и синхронистического порядка и представляя собрание разновременных фактов, разрозненных в одном целом» (Русский вестник. 1871. Кн. 11. С. 143).

Именно их инспирации приписывает Бурнашев в одном из неизданных набросков своих воспоминаний⁶⁹ и тот хлесткий фельетон ультрареакционного «Гражданина», в котором все писания Петербургского старожила расценивались как одна из форм «современной хлестаковщины», особенно опасной в обществе, «не помнящем родства», не дорожащем «преданиями» и желающем «считать себя живущим только с сегодняшнего дня». Подытоживая ошибки и промахи Бурнашева, орган князя В. П. Мещерского счел своевременным воззвать к той именно мере воздействия на мемуариста, которая

⁶⁹ «В конце 1872 года, – писал Бурнашев, близоруко сужая круг своих аристократических гонителей, – вдова Бибикова (жившая, впрочем, с ним очень дурно), друг Бибикова, князь П. А. Вяземский и родственник Бибикова, по своей матери, М. Н. Лонгинов, с одной стороны за Бибикова, с другой – за своего шарлатана родителя – все набросились на меня, употребив для этого грязный способ подкупа таких продажных перьев, как перья Нила Адмирари, Касьяна Яманова (псевдонимы соответственно Л. К. Панютин и Н. А. Лейкина. – А. Р.), [Ю. О.] Шрейера и всей этой сволочи фельетонно-ляпательного типа. Этим корифеям нижних этажей журналистики помог еще князь В. П. Мещерский, выписывавший всякую штуку в угоду Лонгинову и Вяземскому» («Жизнь пережить – не поле перейти»). Рукопись в бумагах Н. С. Лескова в Пушкинском Доме). См. выступления против Бурнашева в прессе: Голос. 1872. № 66, 171, 198; Русский мир. 1872. № 103, 184, 217, 218, 282, 319, 338; Русский архив. 1872. № 4. Стлб. 857–861; Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 275; Биржевые ведомости. 1872. № 224. Под впечатлением полемики вокруг воспоминаний Бурнашева И. А. Гончаров писал Некрасову весной 1872 г. о проекте предисловия к «Русским женщинам»: «Полагаю, что ссылаться в предисловии или в примечаниях можно только или на печатные источники, или же на самых близких лиц. Все прочие в этом деле никакого авторитета иметь не могут, и потому если известие окажется неверным, то могут сказать, что вы их выдумали нарочно. Вон как Бурнашев, говорят, выдумал много пустяков» (Красная новь. 1926. № 1. С. 189).

гарантировала бы невозможность его появления не только в охранительной, но и в оппозиционной прессе.

«Но что делать с такою хлестаковщиною! Нам кажется, что самое простое и целесообразное было бы закрыть для нее доступ к изданиям, так как несомненно эта хлестаковщина, к ущербу самих журналов и к стыду нашей литературы, — эксплуатирует те же редакции, мистифицирует бесстыдным образом публику и безусловно вредит, искажая смысл исторических событий и личностей»⁷⁰.

Для Бурнашева это был уже почти смертный приговор. С директивами «Гражданина» не склонны были, правда, считаться редакции «Дела» и «Биржевых ведомостей», но из мемуарной продукции Бурнашева оба эти издания, перегруженные более злободневным материалом, могли воспользоваться в течение 1873–1874 гг. лишь очень немногим. Последняя из задуманных Бурнашевым больших работ — «Петербургские редакции и редакторы былого времени» — была им поэтому приостановлена. В поисках заработка он рискнул принять предложение одной из экспедиций III отделения — наводить литературный лоск на некоторые докладные записки и отчеты «для царского чтения». Эта «работа» продолжалась всего в течение четырех месяцев, но из-за слухов о ней стало невозможным сотрудничество его в органах оппозиционной печати. Книжка исторических и литератур-

⁷⁰ Современная хлестаковщина // Гражданин. 1873. № 3. С. 87–88. Статья подписана: Давнишний обыватель Петербурга.

но-бытовых очерков о Д. И. Хвостове, Е. Ф. Ганине, И. С. Брызгалове, В. А. Всеволожском и Савве Яковлеве, выпущенная в 1875 г. под псевдонимом Касьяна Касьянова и с лубочно-рекламным заголовком «Наши чудодеи. Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода», была последней попыткой Бурнашева вновь закрепиться в литературе. Книжка имела несомненный успех, быстро разошлась, но других писаний Бурнашева издатели уже не принимали. Изредка и неохотно его статьи еще печатались в таких специальных журналах, как «Природа и охота», «Сельское хозяйство», «Земледельческая газета», но серьезным материальным ресурсом подачи из этих изданий считать было нельзя. Спасением от нищеты являлась с 1877 по 1882 г. «служба» в качестве рассказчика и чтеца, а точнее, в роли благородного приживальщика при престарелом самодуре-миллионере В. Г. Жукове, авантюрную биографию которого наш мемуарист излагал когда-то на страницах «Северной пчелы». С начала 1883 г. Бурнашев опять оказался на улице. При помощи рассказов о Жукове, устроенных им после смерти последнего в «Петербургской газете», в «Живописном обозрении» и в «Родине», он рассчитывал как-нибудь вновь связаться с печатью, но надежды его не оправдались. Жуковский репертуар мог импонировать лишь в очень небольших дозах, а более ответственный материал отказывались принимать от литератора, имя которого в одних кругах ассоциировалось со зданием у Цепного моста, а в других – с разоблачениями «Рус-

ского архива» и «Гражданина».

И все же Бурнашев взялся вновь за перо. Целые пакеты его мемуарных писаний, ныне хранящихся в рукописном отделении Пушкинского Дома, показывают, что незадолго до смерти Бурнашев все-таки нашел выход в литературу. Его последние «ретроспективные» рассказы и анекдоты, правда, не печатались, но читались, оплачивались и даже получали порой новую жизнь в повествовательных конструкциях такого мастера русской художественной прозы, как Н. С. Лесков. Автор «Чертовых кукол» с середины 80-х гг. был и внимательнейшим слушателем, и заказчиком, и потребителем всей предсмертной мемуарной продукции Бурнашева.

Они были земляками. Отец Бурнашева в течение нескольких десятков лет служил в Орле председателем казенной палаты, а Лесков был сыном заседателя Орловского гражданского и уголовного суда. Их объединял, однако, не только круг губернской бюрократии старого Орла, из которого оба они вышли, и уж, конечно, не салон редактора газеты «Свет» В. В. Комарова, в котором временно и случайно, оба на положении литературных изгоев, они оказались в начале 70-х гг. Прежде и больше всего должен был благоприятствовать их сближению обоим им в одинаково высокой степени присущий интерес к недавнему прошлому, к острым историко-бытовым ситуациям и анекдотам, к административному и литературному фольклору николаевской поры. Рассказы Бурнашева являлись неисчерпаемым источником самых разно-

образных сведений о старом Петербурге, который поэтому и оживал в «Рассказах кстати», «Картинках прошлого», «Чертовых куклах», «Загоне» и во многих других поздних вещах Лескова по готовым сценарным, фабульным и даже персонажным (например, Бибииков, Аракчеев, Клейнмихель, Канкрин) зарисовкам его старшего современника и земляка. С начала 80-х гг. Лесков нередко прибегал и к рукописям Бурнашева.

Подобно тому как на основании бумаг В. И. Асташева описал он «Сибирские картинки XVIII века», по материалам А. Н. Муравьева – «Алеутского духовидца», по тетрадке Н. И. Свешникова – «Спиридонов-поворотов», по документам Е. В. Пеликана – «Загадочное происшествие в сумасшедшем доме» и «Унизительный торг», так мемуарный манускрипт Бурнашева «Граф Е. Ф. Канкрин в его домашнем и кабинетном быту» учтен был при работе над «Совместителями» – «буколической повестью на исторической канве», а некоторые другие заметки Петербургского старожила использованы были в «Загоне». В рабочий кабинет Лескова постепенно перекочевал и почти весь архив Бурнашева, частью в порядке презентов последнего за всякого рода оказанные ему услуги, частью за определенную плату – от 30 до 10 рублей за рукопись. По инициативе или, точнее, по прямому заказу Лескова престарелый мемуарист приступил незадолго до смерти и к записи своих многочисленных устных рассказов нецензурно-разоблачительного и фривольно-апокрифи-

ческого порядка.

Эта продукция его поглощалась уже только одним Лесковым и, вместе с частью бумаг писателя, перешла после Великой Октябрьской социалистической революции в Пушкинский Дом⁷¹.

Ю. Г. Оксман

⁷¹ Опущен конец статьи, в котором излагались принципы отбора текстов для сборника, который Оксман готовил для издательства «Academia». (Примеч. составителя.)

Мой литературный формуляр и нечто вроде Acquit de Conscience⁷²

**Кто такой в литературной петербургской
братии Владимир Петрович Бурнашев⁷³**

Свою автобиографию начну с того, что я, к горю моему,

⁷² очистки совести (фр.).

бращались также еще иные деятели, не сходные с первыми по настроению и талантам, но в своем роде интересные и тоже характеризующие эпоху. Кто хочет иметь не одностороннее понятие о литературных делах и литературных нравах названной эпохи, тот, кажется, должен поинтересоваться и родоначальниками журнальной богемы в России. В этом смысле представляют особенный интерес предлагаемые вслед за сим автобиографические заметки недавно умершего престарелого газетного и журнального сотрудника Владимира Петровича Бурнашева (род. в 1812 году † в 1888 г.). Бурнашев провел всю свою многолетнюю жизнь в сношениях с редакциями, написал ужасно много и умер в нищете, не пользуясь в литературном обществе не только уважением, но даже состраданием, в котором крайне нуждался в последние годы своей слишком затянувшейся жизни. Критика обращала на него внимание редко, и то или ошибкою, или тогда, когда представлялся случай указать в его работах грубый промах или что-либо непозволительное в ином роде. Сам он, как увидим из его записок, считал себя не приготовленным к литературной деятельности, но собственно эта „неприготовленность“, кажется, должна быть отнесена не к его образованности и познаниям, а к его характеру, совмещавшему типические черты литературной богемы. Он сам этого не сознавал и не чувствовал, но его замечательно откровенные записки делают это очевидным и несомненным. Эти же записки и сами несут на себе характер богемы и дают любопытные указания, как и кем она у нас насаждалась и воспитывалась. Я встретил впервые покойного Влад. Петр. Бурнашева около десяти лет тому назад в доме редактора Комарова. Бурнашев тогда был уже стар и боролся с тем, что считал человеческим равнодушием к его заслугам. Редактор Комаров пригласил его из одного места с художественным критиком [А. З.] Ледаковым, но Ледаков нашел себе одобрение и поддержку, а Бурнашев нет. Его „вытравливали“. Он был вспыльчив и горделив, и его не нужно было выпроваживать долго. Бурнашев ушел из редакции Комарова и очутился без работы и без хлеба. Это все усиливалось и осложнялось: к одним его бедствиям прибавлялись новые, в чем он, по несчастию, часто был сам причиной. Тогда он обратился ко мне и просил добыть ему работу. Впоследствии он не раз точно так же призывал меня к той или другой человеческой услуге. Так дело дошло и до последнего его помещения в Мариинскую больницу, где он и умер. Незадолго перед смертью Бурнашев отдал мне собственною его рукою чисто написанный его „формулярный список“, в котором отмечено все совершенное им „прохождение литературной службы“. Документ этот вслед за сим предлагается».

не получил никакого правильного образования, с малолетства будучи жертвою взаимных пререканий и эксцентричных взглядов и понятий моих родителей, которые с 1828 года, когда мне минуло 16 лет, разъехались, т. е. сделали то, что французы называют *séparation de corps*⁷⁴: отец служил вице-губернатором в Орле и жил там на холостую ногу, имея, однако, превосходно монтированное хозяйство и ведя веселую и игорную жизнь, что при его слабом, каком-то тряпичном характере ужасно ему вредило. Но для своего времени отец мой был человек очень образованный, получив во времена императора Павла воспитание в Горном корпусе, а потом был в начале нашего столетия свитским офицером колонновожатых⁷⁵ (что ныне Генеральный штаб⁷⁶) и адъютантом, сначала графа Бенигсена, а потом графа⁷⁷ Штейнгеля. В 1810 году отец мой вышел в отставку из военной службы, по воле своего отца, а в 1811 году женился на матери моей, тогда 16-летней девице, красоты поразительной, но сколько она была изящна наружностью, столько уродлива и до крайности неприятна характером, доходившим до самого нестерпимого самодурства⁷⁸. Хотя она была немецкого про-

⁷⁴ раздельное проживание супругов (*фр.*).

⁷⁵ То есть входил в Свиту его императорского величества по квартирмейстерской части.

⁷⁶ Генеральный штаб – орган управления армией по квартирмейстерской части.

⁷⁷ Барон Ф. Ф. Штейнгель стал графом в 1812 г.

⁷⁸ Владимир Петрович Бурнашев имел сходство с матерью: он был смолоду очень красив собою, что сохранилось на его масляном портрете, и имел самый

исхождения (отец ее был тот ганноверец Букендаль, который сделал первую золотую карету для императрицы Елисаветы Петровны в 1745 году, что доселе значитя крепко выгравированное на одной из частей этой древней кареты, хранящейся в Конюшенном музее⁷⁹), она не знала ни слова по-немецки, но зато в высоком совершенстве владела французским языком, почему, когда отец мой, мастерски знавший теорию и практику французского и немецкого языков, хотел, чтобы меня, мальчика, еще крошку, учили, кроме французского языка, немецкому и даже английскому, мать воспротивилась этому, прогнала всех учителей и все свое исключительное внимание обратила на один лишь французский язык, говоря, что ни на что не похоже, чтобы сын знал те языки, которых мать его не знает. Очевидно, нелепый из нелепых афоризмов! Затем отец хотел сделать из меня военного, а мать, из опасения войны, настояла на том, чтобы меня, не бывшего ни в университете, ни в лицее, ни даже в какой-нибудь дельной гимназии, бросили в канцелярский водоворот, когда мне едва исполнилось 16 лет.

У меня было две сестры, обе моложе меня, одна двумя, а другая восемью годами, и обеих их нет на свете: старшая умерла в Тамбове, в 1865 году, стремясь постричься в монахини; младшая же, воспитывавшаяся когда-то в Смольном

придирчивый и капризный характер, через который ни с кем не уживался. (*Примеч. Н. С. Лескова.*)

⁷⁹ Музеум придворных экипажей, в просторечии Конюшенный музей – музей, созданный в 1860 г. и посвященный русскому экипажному искусству.

монастыре, но после этого вполне поверхностного воспитания мастерски умела пользоваться преподаванием в знаковых домах языков: немецкого и английского, которыми впоследствии владела словно своим отечественным. Меньшая сестра, Софья, весьма недавно, почти скоропостижно, умершая (в марте 1883⁸⁰ года), захотела еще заняться итальянским языком с целью чтения либретт итальянской оперы. Эта сестра моя, с тем вместе весьма недюжинная музыкантша, оставила в русской педагогической литературе свой в 40-х годах изрядно гремевший псевдоним Девица Эсбе, под которым в 50-х годах до 61 года исключительно она издавала и редактировала два воспитательных журнала: «Час досуга» и «Калейдоскоп» (с 1857 по 1861 год)⁸¹. Нынче журналы эти, более чем роскошно издававшиеся, библиографическая редкость⁸². Потеря этой дорогой и талантливой сестры, с которой под одним кровом я прожил 65 лет с моего младенче-

⁸⁰ У Бурнашева описка: 1873.

⁸¹ «Час досуга» выходил в 1858–1863 гг., а «Калейдоскоп» – в 1860–1862 гг.

⁸² Бурнашев был прекрасный брат, и его заботливость о сестре представляет много трогательного. Кипя в бесперывном и дурно оплачиваемом труде, он употреблял невероятные усилия, чтобы сестра его не знала, как кошелек его тощ и как трудно достаются ему деньги. Он даже позволял ей «разорять себя» посредством «открытия фантазий» вроде кухмистерской на благородных началах. Самая жизнь его в квартире была стеснена огромным количеством кошек, которых его сестра любила, а они, как назло, оказывали Владимиру Петровичу самое полнейшее пренебрежение к его удобствам. Он все это переносил безропотно и после кончины сестры заботился разместить осиротевших кошек на пенсии и «только тогда вздохнул свободно». (Примеч. Н. С. Лескова.)

ства, была мне весьма горька, имев жестокое влияние на мое здоровье и причинив мне с марта месяца 1883 года ту болезнь сердца, которую я ношу в груди и которая, называясь аневризмом аорты, может, по мнению лучших врачей, поразить меня моментально, при каком-нибудь излишнем волнении и возбуждении нервной системы, находящейся у меня в крайне опасном положении. Вот почему мне чрезвычайно нужно постоянно спокойное состояние духа, немыслимое и невозможное в сношениях с 9/10 нашей русской журнальной братии, состоящей почти сплошь и рядом из людей, по меньшей мере невоспитанных, дурного тона и нигилирующих все то, что называется приличием и деликатностью. Я не говорю уже о добросовестности, святости обязательств и понятии о чести – все это у русских журналистов зависит от дуновения ветра политического и общежительного, а также от личного воззрения и мирозерцания каждого из этих милых господ.

Отец мой умер в Тамбове, будучи председателем казенной палаты и в чине тайного советника и кавалера трех звезд⁸³, в 1861 году на восьмидесятом году от роду, а мать моя умерла в 1871 году, пропользовавшись пенсионом в 1200 рублей, оставшимся ей за шестидесятипятилетнюю службу отца моего. Но такая пенсия нисколько не препятствовала моей ма-

⁸³ В справочнике «Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917)» (Сост. Е. Л. Потемкин. М., 2019. Т. 1. С. 297) указано, что П. А. Бурнашев дослужился до чина действительного статского советника и имел следующие ордена: Св. Владимира IV ст. с бантом, III ст., Св. Анны I ст., Св. Станислава I ст.

тери требовать от меня, comme argent de poche⁸⁴, такую же точно цифру серебряных рублей.

Швырнутый на канцелярскую службу в 1828 году, я никогда не любил казенной службы и, правду сказать, всегда служил кое-как то в Министерстве финансов, то в Военном, то в Удельном (тут три года и поусерднее, чем в других, в звании помощника директора Удельного земледельческого училища⁸⁵, созданного в 1836 году графом Л. А. Перовским и уничтоженного в 1866 году (через 30 лет) графом М. Н. Муравьевым⁸⁶). Еще служил в Министерстве государственных имуществ, канцелярии Орденского капитула, в канцелярии обер-прокурора Святейшего синода и, наконец, в Министерстве внутренних дел, откуда я и вышел в 1849 году, нося с 1841 года чин, какой и сейчас имею, надворного советника. Разумеется, все мои сослуживцы на недостижимых от меня высотах в эти 35 лет, и один из них, Григорий Павлович Небольсин, статс-секретарь и член Государственного совета.

Не выслужив необходимых для пенсии 25 лет, я не пользуюсь никакою пенсией, что составляет одну из болячек (нравственных) моего сердца.

Я всегда предпочитал частную деятельность всякой го-

⁸⁴ на карманные деньги (*фр.*).

⁸⁵ В Удельном земледельческом училище Бурнашев служил не три, а четыре года (1839–1843).

⁸⁶ Училище было закрыто в 1849 г. Граф М. Н. Муравьев не мог иметь к этому отношения, поскольку служил тогда управляющим Межевым корпусом.

сударственной. Частная деятельность, исключительно литературная, временно иногда давала мне чуть не такое годовое содержание, какое по закону назначается члену Государственного совета. Но чаще я бедствовал, преимущественно потому, что с 16-летнего возраста должен был быть кормильцем своего семейства, почти брошенного отцом на произвол судьбы. Впрочем, отец давал матери с ее двумя дочерьми, моими сестрами, по закону ей следовавшую третью часть его жалованья (он 3 тысячи получал штатного жалованья), т. е. 1 тысячу рублей ассигнациями. Но, натурально, этой тысячи рублей было далеко не достаточно для моей матери (привыкшей к роскоши) с двумя девушками дочерьми.

Русские книжники-фарисеи⁸⁷, разные издатели-спекуляторы и журналисты, зная мое затруднительное домашнее положение, жестоко эксплуатировали меня и заставляли, особенно журналисты, даром работать, книгопродавцы же скудно платили за оригинальные и переводные работы, преимущественно по части «детской» литературы, в которой я тогда (с 30-х по 50-е годы) приобрел порядочную известность под псевдонимом Виктора Бурьянова⁸⁸. Однако так шло с 28-го

⁸⁷ Фарисеями называли тогда рыночных издателей и букинистов.

⁸⁸ См.: Прогулка с детьми по земному шару / [Соч.] Виктора Бурьянова [псевд.]. СПб., 1836. Ч. 1–2; Детский рассказчик, или Собрание повестей, сказок, рассказов и театральных пьесок, сочиненных Виктором Бурьяновым [псевд.] и Владимиром Бурнашевым. СПб., 1836. Ч. 1–2; Прогулка с детьми по России / Соч. Виктора Бурьянова [псевд.]. СПб., 1837. Ч. 1–4; Прогулка с детьми по С. Петербургу и его окрестностям / Соч. Виктора Бурьянова [псевд.]. СПб., 1838.

по 30-й год, когда дела мои, как сотрудника журналов и работника на книгопродавцев, стали так поправляться, что я, не имея 20 лет от роду, с казенным содержанием и частными заработками имел от 3—4 тысяч рублей ассигнациями в год. Моих, т. е. «Виктора Бурьянова» книг по «детской литературе» было так много, что в Смирдинском каталоге⁸⁹ этим именем было занято несколько столбцов. Теперь ни одной из этих книг нет в книготорговле, нет и в библиотеках, кроме Императорской публичной библиотеки. В это время до 50-х годов я напечатал множество сельскохозяйственных книг под псевдонимом Бориса Волжина, что мне на поприще агрономической литературы (при всем моем невежестве в агрономии, химии, физике, механике, гидравлике и естествознании) сделало такое имя (о, патриархальные времена!), что в конце 1849 года Вольное экономическое общество пригласило меня быть редактором-издателем на коммерческом праве журнала общества «Труды Вольного экономического общества»⁹⁰, о чем подробнее я поговорю ниже, а теперь обращаюсь к первым моим детским шагам в журналистике.

В августе месяце 1828 года отец мой наскоро приехал

Ч. 1—3.

⁸⁹ См.: Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина. СПб., 1828. Ч. 1—4. В 1829, 1832 и 1847 гг. к ней выходили прибавления. Но Бурнашев имеет в виду «Систематический реестр русским книгам с 1831 по 1846 год» (СПб., 1846).

⁹⁰ Бурнашев редактировал «Труды Императорского Вольного экономического общества» в 1850—1856 гг.

из Орла в Петербург, швырнул меня на службу в Департамент внешней торговли под начало своего знакомого Дмитрия Гавриловича Бибикова и, торопясь уехать в свой милый Орел, отворил мне двери кабинетов тогдашних журналистов⁹¹ – Николая Ивановича Греча (принявшего 16-летнего писачку с насмешками и эпиграммами, причем дал кличку Борзопишева) и Павла Петровича Свиньина, добрейшего и простейшего человека, уверявшего всех встречаемых и поперечных, что я с талантом, и тотчас засадившего меня за какие-то нестерпимо скучные переводы из записок Маржерета⁹² и тому подобных. В эту пору в ноябре 1828 года скончалась знаменитая гуманностью и филантропией вдовствующая императрица-родительница Мария Федоровна⁹³. Свиньин в самый же день кончины императрицы-благотворительницы дал мне какую-то высокопарную статью тогда

⁹¹ Отец Бурнашева печатался в журналах, см. его статью: О начале суконной промышленности в России, о постепенном ее распространении и о нынешнем ее состоянии // Отечественные записки. 1823. Ч. 14. С. 260–276. Без подп. Автор указан в списке авторов журнала за все годы издания, см.: Отечественные записки. 1830. Ч. 41. С. 175.

⁹² Имеется в виду француз Жак Маржерет, автор труда «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского» (1607). Переводы из книги Маржерета в журнале П. П. Свиньина «Отечественные записки» не печатались. Там был помещен перевод Бурнашева из другой книги о России: Пребывание в России Корнелия Бруина в 1702 году / Пер. В. П. Б – ва // Отечественные записки. 1829. № 113. С. 345–365; № 114. С. 46–66; № 116. С. 395–410.

⁹³ Императрица Мария Федоровна скончалась 24 октября 1828 г. (по старому стилю).

только что недавно родившейся «Северной пчелы»⁹⁴ и другую в том же тоне, напечатанную в «Русском инвалиде» Пезаровиусом (изрядно малограмотно)⁹⁵, и при этом еще су-нул в руки какую-то рукописную, бывшую у него «записку» о достохвальной деятельности императрицы совершенно официального колорита, подготовленную статс-секретарем покойной императрицы Григорием Ивановичем Виламовым по поводу какого-то предстоявшего юбилея ее величества. Тогда, снабдив меня всеми этими малополезными материалами, Свинын сказал мне: «Знаешь, Володя, напиши-тка мне по этим данным статечку пречувствительную о подвигах императрицы и изготовь (хоть ночью пожертвуй!) к завтрашнему дню, так как моя ноябрьская книжка печатается и на днях должна выйти. Мы назовем твою статью „Первый цветок юноши-писателя на гроб императрицы Марии Феодоровны“⁹⁶. Ежели напишешь хорошо, то я улажу так, что ты получишь перстенок рублей в сто». Свинын любил эксплуа-

⁹⁴ «Северная пчела» возникла не «только что», а за три года до смерти императрицы Марии Феодоровны, в 1825 г. Там по этому поводу были помещены описание похорон (№ 136, 137. 13, 15 нояб.), анонимная статья «Воспоминания о государыне Марии Феодоровне» (№ 138. 15 нояб.) и перевод (с таким же названием) из рижской немецкоязычной газеты (№ 137. 15 нояб.). Скорее всего, Бурнашев имеет в виду последнюю публикацию.

⁹⁵ В «Русском инвалиде» 25 октября (№ 267) была помещена официальная информация о смерти императрицы, а на следующий день (№ 268) – манифест Николая I на ту же тему.

⁹⁶ См.: В. П. Б. Чувства русского при гробе Марии // Отечественные записки. 1828. Ч. 36. № 103. С. 303–312.

тировать таких молоденьких и малограмотных борзописцев, каков был я, не платя им ни гроша. Тогда, впрочем, и не было в обычае за журнальные статьи платить. Первый ввел «гонорар» Сенковский в «Библиотеке для чтения».

Памятно мне чрез 56 лет, что я тогда проработал всю ночь от моей матери тайком, а то, чего доброго, она отобрала бы у меня все осветительные материалы. Но ночь принесла плоды, потому что к 8 часам утра несколько писанных листов с детским что ни есть ребяческим словоизвержением с колоритом канцелярского слога были готовы, и я, не прочитав даже, поспешил отнести все это мое детское бумагомаранье к Свиныну. Павел Петрович остался очень доволен этою фразеологиею в форме автонианской хрии⁹⁷, написанной по всем правилам риторики профессора Рижского⁹⁸. Но все-таки Свинын нашел нужным, как он выражался, впустить своего квасно-патриотического «соуска» в мой винегрет, и, по его мнению, статья вышла на славу. «Что в рот, то спасибо!» – восклицал благодуществовавший постоянно и лгавший напропалую Свинын, прозванный фабулистом А. Е. Измайловым «Павлушка – медный лоб»⁹⁹.

Статья «Цветок» была напечатана в конце ноябрьской

⁹⁷ Хрия – рассуждение на заданную тему, составленное по определенным правилам. Темой автонианской хрии являются слова какого-нибудь автора.

⁹⁸ См.: *Рижский И. С.* Опыт риторики. СПб., 1796. Книга была популярна и несколько раз переиздавалась.

⁹⁹ Речь идет о стихотворной сказке А. Е. Измайлова «Лгун», начинающейся стихом «Павлушка медный лоб (приличное прозвание!)».

книжки тогдашних крохотных «Отечественных записок» в их небесно-голубой обертке и окаймлена траурным бордюром с наигрубейшим лубочной резьбы изображением розы, всего более похожей на какое-то чернильное расплывшееся пятно: ксилография тогда у нас была в первом периоде младенчества. Свиньин расщедрился и оттиснул сотню экземпляров моей статьи особо на почтовой бумаге и, при содействии разных милостивцев своих, уладил так, что экземпляры с черным бордюром и с уродливою розою были в Зимнем дворце представлены государю императору Николаю Павловичу, всей императорской фамилии и Двору, а особенно особам двора покойной императрицы. Знаменитая (в царствование Павла Петровича) статс-дама, кавалерственная дама большого креста Св. Екатерины¹⁰⁰ и обер-гофмейстерина Е. И. Нелидова, прочла эту мою патетическую статью, наполненную тем, что французы называют *lieux communs*¹⁰¹, и (вот вкус-то!) нашла, что *c'est quelque chose de délicieux comme production littéraire d'un adolescent*¹⁰², и тотчас прочла с восхищением императрице Александре Федоровне, разумеется, подсобляя французским переводом, потому что юная императрица в те поры, при всех стараниях Василия Андреевича Жуковского, была еще слишком слаба в русском языке;

¹⁰⁰ Орденом Св. великомученицы Екатерины 1-й степени (большим крестом) награждались великие княгини и дамы высшего света.

¹⁰¹ общими местами (*фр.*).

¹⁰² для подростка это литературное творение восхитительно (*фр.*).

это не помешало императрице сказать, что *il faut pourtant encourager ce poète adolescent*¹⁰³. И вот назавтра за мною, при содействии Свинына, давшего мой адрес, прискакал в пошевнях на тройке фельдъегерский офицер и отвез меня в Таврический дворец к статс-даме ее высокопревосходительству Екатерине Ивановне Нелидовой¹⁰⁴, имевшей вид коричневой маленькой мумии и крайне невзрачной, которая, однако, очень ласково приняла «мальчика-поэта» в форменном фраке Министерства финансов и от имени императрицы Александры Федоровны вручила ему за «Цветок» перстенок аметистовый с бриллиантовой пылью, ценою в 100 рублей ассигнациями.

Как ни маловажно было само по себе это обстоятельство, оно имело огромное влияние, во-первых, на некоторых журналистов, как, например, Н. И. Греч, сделавшийся с этого времени ко мне гораздо любезнее. А во-вторых, рассказы Е. И. Нелидовой о *poète adolescent blond cendre à cheveux naturellment bouclés*¹⁰⁵ сделали то, что этот белокуренький юноша был приглашен на утренний шоколад блестящим тогдашним вельможею Федором Петровичем Опочининым, другом великого князя Константина Павловича, равно как Николаем Петровичем Новосильцевым, заведовавшим тогда заведениями императрицы Марии Федоров-

¹⁰³ тем не менее мы должны поощрить этого юного поэта (*фр.*).

¹⁰⁴ У Бурнашева имя ошибочно – Екатерина. Она не была статс-дамой.

¹⁰⁵ юном поэте с пепельными вьющимися волосами (*фр.*).

ны, и, главное, знаменитою тогдашнею вестовщицею и придворною сплетницею Елизаветою Михайловною Хитрово, дочерью светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова-Смоленского. Эта барыня из самых что было сливок аристократии была мать прелестной из прелестных графини Фикельмон, т. е. супруги тогдашнего австрийского посланника, которого белоснежный мундир и красные рейтузы производили престранный эффект в публике, особенно при зеленом султane его треуголки, покрытой сплошь широким золотым галуном. Но дело в том, что Лизавета Михайловна приходилась что-то вроде троюродной кузины моему строгому начальнику Дмитрию Гавриловичу Бибикову, который раз утром призвал белокурого мальчика-элегиста к себе на дом и сказал ему:

– Тебе, верно, не известен мой приказ, на основании которого такое подношение твоего какого-то там «Цветка», какое ты сделать изволил в Зимний дворец, могло иметь место не иначе, как только при моем благосклонном и начальственном посредстве.

Как я ни объяснял, что тут я ни при чем, что 100 экземпляров моей статьи через статс-секретаря Кикина препроводил Павел Петрович Свиньин, а что я ничего не видал, да и видеть не мог, все-таки Бибиков мне объявил:

– Толкуй там что хочешь, а от меня наказание понесет не толстый боров Свиньин, а *le blond adolescent, poétisant en*

prose¹⁰⁶, то есть твоя милость, и наказание это начнется с этой минуты. Следуй за мною.

Я пошел за Бибиковым из его кабинета со стеклянным потолком в коридор, а из коридора мы прошли в бильiardную, где Бибиков вооружился мазом¹⁰⁷, велел мне взять кий и играть с ним в 48-бильную партию на бильярде. Мы сыграли, помнится, десять партий, и в этом состояло мое оштрафование, распространившееся на все воскресенья, когда в час полудни я должен был являться к Бибикову, чтоб играть с ним 10–12 партий и потом, когда соберутся воскресные гости, обедать, спустя же час после обеда удаляться. Так с конца 1828 года по половину 1833 года прошло прекрасно 5–6 лет. Но в 1833 году одно обстоятельство¹⁰⁸¹⁰⁹ восстановило Бибикова против меня до того, что он из благодетеля-начальника сделался ненавистником моим и повсюду мне вредил даже и тогда, когда в 1837 году я перешел от него в Военное министерство под начало статс-секретаря М. П. Позена.

После первого моего литературного успеха с «Цветком надгробным» Н. И. Греч, заметив, что статьи П. П. Свиньи-

¹⁰⁶ белокурый подросток, поэт в прозе (*фр.*).

¹⁰⁷ Маз – не применяемый сейчас бильiardный кий особого устройства. Представлял собой облегченную палку с колодкой сложной формы на конце, с помощью которой выполняли не прицельные удары по битку, а толкательные движения.

¹⁰⁸ Русский мир. 1871. Декабрь; Русский вестник. 1872. Февраль.

¹⁰⁹ См. об этом «обстоятельстве» далее в очерке Бурнашева «Моя служба при Дмитрии Гавриловиче Бибикове (1828–1834 гг.)».

на о разных *русских гениях*, им откапываемых, хотя и пересаливаемые им, имели-таки некоторый успех, захотел, чтобы и в «Северной пчеле» были печатаемы рассказы о русских Уаттах, Жакарах и Терно, а потому обратил свое внимание на меня и раз как-то в один семейный четверговой обед в первых месяцах 1829 года (мне было 17 лет от рода) поручил мне «откапывание русской гениальности», особенно по части мастерств и художеств¹¹⁰. И вот я, едва вышедший из детства, пустился на столбцах «Пчелы» с жаром рассказывать биографические подробности о разных более или менее замечательных русских изобретателях и производителях, как: Батов («Русский Страдиварий»), Чурсинов (делатель клеенок), Лукутин (табакерщик из папье-маше), Серебрянников (ленточник), Головкин (фабрикант нюхательного табака), Плигин (макаронщик) и пр. и пр. и пр.¹¹¹ Но ни одна из этих пустословных и восторженных статей, крепко сма-

¹¹⁰ Позднее Бурнашев писал: «С 1831 года начал я участвовать в „Северной пчеле“ <...>» (*Бурнашев В.* Изобретения русского самородного механика Ивана Кадилова // *Северная пчела*. 1848. № 257), и это утверждение ближе к истине. По крайней мере, самая ранняя подписанная его фамилией публикация в «Северной пчеле» появилась в этом году: «Кабинет редкостей знаменитого Орловского» (1831. № 7–9).

¹¹¹ См.: *Русский Страдивари* – Иван Батов // *Северная пчела*. 1833. № 40; П. В. Лукутин и его табакерочное заведение // Там же. 1834. № 18, 19; Шелковая фабрика <...> Николая Серебрянникова // Там же. 1832. № 149, 150; О. И. Головкин, первый русский табачный фабрикант // Там же. 1832. № 27, 28; Крестьянин-химик Прокофий Плигин // Там же. 1833. № 134, 135; Резчик Василий Захаров // Там же. 1834. № 172, 173. Очерк о К. З. Чурсинове Бурнашев писал (см. примеч. в «Северной пчеле» 1832 г. № 27), но опубликован в газете он не был.

живавших на рекламы, так не удалась блестяще успешно молодому мальчику – уже публицисту, как статья об анекдотивном порховском пастушонке, сделавшемся в то же время со дня наводнения (1824 г.) в течение 4–5 лет видным табачным фабрикантом, производившим турецкий и американский курительный табак и уже соперничествовавшим с Гишаром и Линденлаубом. То был табачный фабрикант и купец Василий Григорьевич Жуков, впоследствии приобретший громадную славу и колоссальное, миллионерное богатство, но умерший в конце 1882 года почти в затруднительном положении, оставив целый полк наследников, разорвавших на drobные части остатки его достояния, благодаря своему дикому самодурству и нелепому образу жизни, имевшему в основе милое правило российского дурачества: «Ндраву моему не препятствуй!» Но в 30-х годах все понимали очень хорошо, что Жукова на такую высоту подняла статья в «Северной пчеле», напечатанная семнадцатилетним юношей в декабре 1829 года¹¹². Довольно сказать в доказательство волшебного эффекта моей этой тогдашней статьи, что она была прочтена императором Николаем Павловичем, который на разводе громко отрекомендовал ее великому князю Михаилу Павловичу, как страстному курильщику. Этот случай был в особенности стимулом славы и страшного богатства Жукова, а мне статья эта доставила в «Северной пчеле»

¹¹² Бурнашеву изменила память, статья была напечатана позднее: Василий Жуков // Северная пчела. 1832. № 296–298.

гонорар в 100 рублей ассигнациями в месяц, что в те патриархальные времена было колоссально, возбудив против меня зависть не только таких сотрудников «Пчелы», как Сомов (Орест Михайлович), Очкин (Амплий Николаевич) и Юханцов (Николай Иванович, отец знаменитого вора Кредитного общества¹¹³), получавших от Греча жалованье за переводы, но даже заставило коситься на меня самого Фаддея Венедиктовича Булгарина, говорившего обо мне: «В сорочке родился мальчишка, в сорочке».

Но эта *bouderie*¹¹⁴ нисколько не помешала Булгарину в начале 40-х годов рекомендовать меня книгопродавцу Ольхину для редактирования «Воскресных посиделок», состоявших из 12 пузатеньких книжек для народного чтения¹¹⁵. А еще более: тот же Булгарин, отъезжая на несколько лет в свое Карлово (мне тогда, правда, было далеко не 17 лет, а уже 35), [передал мне] редакцию своего журнала «Эконом»¹¹⁶. В те-

¹¹³ К. Н. Юханцев, работая кассиром Общества взаимного поземельного кредита, похитил с 1873 по 1878 г. денег и процентных бумаг на общую сумму два миллиона рублей. В январе 1879 г. состоялся громкий судебный процесс, на котором рассматривалось это дело.

¹¹⁴ будирование (*фр.*).

¹¹⁵ См.: Воскресные посиделки: Книжка для доброго народа русского / [Сост. В. П. Бурнашев]. [Вып. 1–7]. СПб., 1844–1845. Последний выпуск содержал 4 книжки. Ф. В. Булгарин дважды в своем фельетоне «Журнальная всякая всячина» рекламировал это издание (Северная пчела. 1844. № 39, 96).

¹¹⁶ Журнал «Эконом» выходил с 1841 г. под редакцией Ф. В. Булгарина; в 1844–1849 гг. его редактировал Бурнашев. Причиной смены редактора «Экономи» был не отъезд Булгарина в Карлово, а его конфликт с издателем журнала,

чение этих 40-х годов, в конце 1848 года, я издал составленный моими трудами «Терминологический словарь сельского хозяйства» в 40 000 слов¹¹⁷, обративший, между прочим, на себя внимание Русского отдела Академии наук. Знаменитый составитель «Толкового словаря» Владимир Иванович Даль в предисловии своем к этому труду говорит: «Я много обязан словарным работам гг. Анненкова (по ботанике) и Бурнашева (по сельскому хозяйству и вообще промышленности)»¹¹⁸.

В 1839 году изданы мною книги: а) «Деревенский староста», которую в количестве 1000 экземпляров купил у меня тогда же департамент без гроша сбавки книгопродавческих процентов, и б) «Описание Удельного земледельческого училища»¹¹⁹, за которую от государя императора получил

см. об этом подробнее далее, в очерке «Сотрудничество придворного метрдотеля Эмбера в хозяйственном журнале „Эконом“ (1844–1845 годы)».

¹¹⁷ Словарь вышел гораздо раньше: *Бурнашев В. П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1–2. СПб., 1843–1844.

¹¹⁸ Даль пишет иное: «При обработке словаря своего составитель его следовал такому порядку: идучи по самому полному из словарей наших, по академическому, он пополнял его своими запасами; эта же работа пополнялась еще словарями: областным академическим, Бурнашева, Анненкова и другими, все это сводилось вместе, на очную ставку, иногда, по словопроизводству, делались справки у Рейфа и Шимкевича, и затем, собрав слова по гнездам, составитель пополнял и объяснял их по запискам своим и по крайнему своему разумению, ставя вопросительные знаки, где находил что-либо сомнительное» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1866. Ч. 4. С. XIII).

¹¹⁹ См.: *Волжсин Борис* [*Бурнашев В. П.*] Деревенский староста Мирон Иванов: Народная быль для русских простолюдинов. СПб., 1839; *Бурнашев В. П.* описа-

перстень в 1000 рублей ассигнациями.

В 1850 году я стал издавать и редактировать «Труды Императорского Вольно-экономического общества», принятые мною в ноябре 1849 года с 250 подписчиками, которые в моих руках в два месяца дошли до 3600 подписчиков, к концу же года я имел всего 6700 подписчиков, число коих не изменялось в течение семи лет, но в 1857 году в феврале месяце вследствие самых гнусных интриг и всяких мерзостей оставил редакцию изданий общества. Забавнее всего то, что это нелепое общество устами и пером своего тогдашнего неперменного секретаря А. И. Ходнева (ныне умершего) упрекало меня за то, что я имел такое множество подписчиков и массы читателей, мотивируя этот упрек моему неустанному старанию, самопожертвованию и уменью – тем (изволите видеть), что ученое общество не должно иметь такой свой орган, который на глазах и в руках у всякого мужика и лавочника. Вот чепуха-то! И заметьте, что все бывшие в обществе моими врагами, как и этот самый Ходнев со своими рогатыми софизмами, были люди не только мною одолженные, но некоторые даже благодетельствованные мною¹²⁰.

В бытность мою редактором «Трудов» я, в виде *премий* к журналу, издал много различных «Руководств» для хозяев

ние Удельного земледельческого училища. СПб., 1839.

¹²⁰ Какую роль Алексей Иванович Ходнев играл при отобрании журнала от Бурнашева, нам не известно, но известно, что А. И. Ходнев пользовался полным уважением знавших его лучших людей и почитался неспособным ни к какой низкой интриге. (Примеч. Н. С. Лескова.)

и хозяек¹²¹, но в особенности знаменательно было издание «Ветеринарного лечебника» с великим множеством раскрашенных и полиграфических рисунков в двух огромных томах. Составил книгу эту ветеринар Генслер¹²², тот самый, который потом сделался юмористом и издавал целые книги и писал статьи юмористического содержания, довольно бойкие и размашистые. По подписке словарь этот, обошедшийся мне в 10 000 рублей серебром, шел по 5 рублей серебром (дешевизна поразительная), и 2000 экземпляров его были тотчас проданы по этой цене, чрез что я покрыл все издержки свои. Осталось 400 экземпляров, из коих 50 раздарены, как водится, а 350 продавались в мой чистый барыш по 7 рублей экземпляр, каких я продал на 1400 рублей всего 200 экземпляров, оставшиеся же еще не проданными 150 экземпляров я продал г. Вольфу по 6 рублей экземпляр на 900 рублей. Таким образом рискованное это издание дало мне 2300 рублей чистой выгоды. Вольф пораспродавал свои экземпляры по 10 рублей каждый. В настоящее время, я слышал, в магазине Товарищества есть в наличности 2–3 экземпляра, какие там

¹²¹ См, например: *Бурнашев В. П.* Практическое руководство к кожевному производству и всех его отраслей, с обстоятельным наставлением как устроить сельский кожевенный завод. СПб., 1843; *Он же.* Практическое руководство к валяльно-войлочному производству. СПб., 1844; *Он же.* Практическое руководство к гребенному и роговому производствам. СПб., 1844.

¹²² См.: Энциклопедический лечебник домашних животных и дворовых птиц. СПб., 1855–1856. Т. 1–3. 1-й том его действительно составил И. С. Генслер, 2-й и 3-й были составлены Г. Ф. Ундрицом.

продаются не дешевле 20 рублей каждый по случаю чрезвычайной их редкости.

В 1857 году, удалясь из Общества и нуждаясь в средствах к жизни, я получил от покойного М. О. Вольфа поручение составить «Популярную хозяйственную библиотеку» в сто книжек, каждая книжка в 3 печатных листа в 16-ю долю. Многие из книжек этой библиотеки выдержали несколько изданий. Эта коллекция и поныне через 28 лет идет в продаже раздробительно. Кроме того, в это же время или около этого времени я для г. Вольфа, по его инициативе, обработал книгу в 5000 анекдотов, изданную им в пяти томах под заглавием «Весельчак»¹²³.

В 1858 году я приступил к изданию широко энциклопедической, но все-таки с хозяйственным характером, еженедельной газеты «Листок для всех», в которой, между прочим, под видом картинок с юмористическим колоритом вымышленного «Захолустьевского общества земледелия», бывшего фотографиию Вольного экономического общества, я, зная коротко все тайные пружины общества, жестоко над ним издевался, выводя на чистую воду все то, что заправилы общества старались всеми мерами скрывать от отечественной публики. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский и целый сонм негодяев, окружавших этого бесхарактерного че-

¹²³ См.: Энциклопедия весельчака: собрание 5000 анекдотов древних, новых и современных: собрано по иностранным и русским источникам И. Поповым. СПб.; М., 1872–1873. Т. 1–5.

ловека, узнали себя под псевдонимами более или менее прозрачными, и вследствие этого принц жаловался *лично на меня* в Бозе почивающему государю императору Александру II. Мне лично тогдашним министром народного просвещения Евграфом Петровичем Ковалевским был объявлен высочайший выговор со строгим запрещением печатать «Хронику» о «Захолустьевском обществе», при нем начались страшные цензурные придирки, заставившие меня на 1859 год прекратить это периодическое издание¹²⁴.

В эту пору, с 1859 по 1864 г., в течение пяти лет я в особенности много работал переводов, а отчасти и оригинальных компиляций (в которых я довольно руку набил) вроде книги «Русские люди всех сословий и всех эпох. Собрание до 100 биографий для юношества русского»¹²⁵. В это же время я помогал сестре моей (Софье Петровне Бурнашевой) под ее псевдонимом Девыцы Эсбе (т. е. С. Б.) издавать и редактировать два воспитательных ее журнала («Час досуга» и «Калейдоскоп»), о которых я упомянул выше.

В 1864 году, в январе, я принял службу по крестьянскому делу в Юго-Западном крае в качестве председателя мирового съезда в гор. Балте Подольской губернии, будучи прикомандирован к Земскому отделу Министерства внутренних

¹²⁴ Еженедельная газета «Листок для всех» (1858–1860) в 1860 г. выходила немногим более полугода, прекратившись на № 29.

¹²⁵ См.: Русские люди: жизнеописания соотечественников, прославившихся своими деяниями на поприще науки, добра и общественной пользы. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1866. Т. 1–2.

дел. Здесь я прослужил до 1866 года, когда был, по воле начальства, переведен в Летичев, а в 1867 году, в мае месяце, возвратился в Петербург с отчислением от службы по крестьянскому делу, но с оставлением в прикомандировке к Министерству внутренних дел. Враги очернили меня перед начальством, выставив меня и *полонофилом* и *юдофилом* собственно по случаю справедливости и беспристрастности моих действий, когда я доказывал *полякофобам* и *юдофобам*, с пеною во рту нападавшим на меня, что я не признаю за собою права давать своей чисто финансово-административной комиссии мало-мальски политический характер и что я нахожу действия еврейских ростовщиков в миллион раз скромнее и извинительнее действий ростовщиков из членов православного духовенства, дерзающих употреблять религию как орудие своих гнусных мздоимств, о чем я неоднократно конфиденциально сообщал преосвященному Леонтию, нынешнему варшавскому архиепископу и фавориту К. П. Победоносцева. Этот владыка, однако, неоднократно поступал со мною самым иезуитски-предательским образом, как и подобает всякому авгуру, разыгрывающему роль святого мужа в публике и не отказывающемуся иметь у себя гарем из мальчиков певчих. Впрочем, этот же самый епископ, зная мое ревностное содействие в Балте по предмету украшения тамошних православных храмов чрез суммы, жертвуемые мне на этот предмет поляками-панами и их паннами, сделал распоряжение, о каковом письменно меня уведомил по почте в

Петербурге в июне 1867 года, о поминовении моего имени на ектениях в балтских городских церквях, перерожденных, большею частью не слишком давно, из униатских.

Мое *юдофильство* провозглашаемо было мировыми посредниками Балтского уезда (их было восемь предпранных личностей, все большею частью отставные уланские и гусарские поручики и помещики Киевской и Херсонской губерний, вовсе не либеральные со своими подвластными крестьянами и сильно либеральничествовавшие на счет кармана помещиков Юго-Западного края в пользу подольских, а именно балтских крестьян, страшных большею частью мошенников и пролаз). Господа посредники укоряли меня за мое мнение, очень чистосердечно тысячу раз высказанное, что присутствие еврейства деятельного, находчивого и расторопного в крае, где хохлацкое народонаселение отличается апатиею и леностью при воловьем упорстве держаться своего неподвижного *status quo*, — явление весьма логичное и для всякого приезжего человека спасительное. Я не затруднился объявлять, что я просто погиб бы, будучи вдруг перекинут из Петербурга в Балту, знаменитую своею непролазною грязью, ежели бы в разных факторах и мишурисах¹²⁶ не встретил моих спасителей. Наведши справки о ценах на все предметы, в которых я нуждался, я приобретал вещи эти из Одессы, Херсона, Киева, Бердичева и пр. чрез евреев местных, и ока-

¹²⁶ Фактор — посредник; в черте оседлости в этой роли обычно выступали евреи; мишурис — еврей-половой, коридорный, служитель в гостинице.

зывалось, что все мною получаемое обходилось несравненно дешевле, чем ежели бы я все это получал из рук местных жителей православных и римско-католиков. Само собою разумеется, что я в балтском обществе громко хвалил всех этих Мошек, Иозелей и Шмулей, с которыми я обходился всегда самым учтивым образом, сажая их у себя, что многих из этих загнанных, но дошлых, умных и по-своему благородных людей приводило в неописанный восторг. То, что на днях в Нижнем сказал нижегородский губернатор Николай Михайлович¹²⁷ Баранов¹²⁸, то я за 17 лет пред сим возглашал в Балте, Летичеве, Проскурове и даже Каменце, что семитическое племя само по себе прекрасное племя и что пора нам, сынам XIX века, убедиться, наконец, что «еврей не собака!». Балт-

¹²⁷ У Бурнашева ошибочно: Ник. Ал.

¹²⁸ 7 июня 1884 г. в Нижнем Новгороде произошел еврейский погром. После погрома нижегородский губернатор Н. М. Баранов отдал следующий приказ: «... в предупреждение мыслей о возможности начала новых беспорядков <...> я прошу господина нижегородского полицмейстера немедленно распорядиться, чтобы участковые пристава и их помощники объявили рабочим <...> во-первых, что жид – человек, а не собака, да и собаку даром не обижают; во-вторых, убийство девяти человек и разграбление жилищ нельзя считать потехой и, в-третьих, что следует твердо помнить, что всякий человек, какой бы веры он ни был, живя в России, находится под покровительством законов царских, и потому покушение на его жизнь и имущество одинаково есть преступление, направленное против воли государя. Все евреи, живущие в Нижнем Новгороде, крещенные или некрещенные, такие же верноподданные, как и мы все. А потому убийство и грабеж евреев одинаково строго должны быть наказуемы, как такие же преступления, направленные против христиан. <...> участники в беспорядках 7 июня будут строго наказаны <...>» (цит. по: *Пудалов Б. М. Евреи в Нижнем Новгороде (XIX – начало XX в.).* Н. Новгород, 1998. С. 57).

ский помещик отставной генерал-майор Беляев, плативший постоянный оброк ржонду¹²⁹ во дни ржондского террора, хотел мне продать натычанку (род брички) для моих вояжей по непочтовым дорогам уезда при разъездах с поверочными съездами, за 300 рублей, да еще такую, которая десятиверстную пробу не выдержала и чуть вся не рассыпалась, так что мне привелось бросить ее в корчме, а самому дотащиться до места моего путешествия частью на волах, частью верхом на не привыкших к седлу лошадях. Все это меня измучило изрядно, и я дорогою захворал и свалился в одной еврейской корчме, арендатор которой вместо генеральской натычанки уступил мне свою не за 300, а за 80 рублей, и эта натычанка прослужила мне более двух лет до моего отъезда в Летицев, когда тот же Соломон Шмуль Бродский купил у меня этот все еще крепкий экипаж, требовавший, однако, ремонта, за 60 рублей. Всем, кому я ни рассказывал об этом случае, находили, что еврей-мещанин города Балты Бродский честнее его превосходительства генерал-майора Беляева, разбогатевшего чрез командование в течение 28 лет Колыванским пехотным полком¹³⁰. Естественно, что в этом случае «язык мой был враг мой», создавший мне злого врага в генерале

¹²⁹ Ржонд (rząnd) – управление, правительство (*польск.*). Здесь имеется в виду Ржонд народовы (Национальное правительство) – главный орган власти в период Польского восстания 1863–1864 гг.

¹³⁰ В Колыванском пехотном полку не было командира по фамилии Беляев; кроме того, ни один командир указанного полка не пробыл на этом посту более 12 лет.

Беляеве, который еще вяще стал упрекать меня в юдофильстве и плести о моей персоне паутину всяких мерзостей, когда, в бытность поверочного съезда в его имении, я вынужден был, ввиду дурного надела его крестьян, понизить ценность его местности, правда, очень богатой, на 27 %. Это уже окончательно взбесило этого бывшего когда-то аракчеевского питомца и прихлебателя, служившего когда-то у грузинского царька в адъютантах. Тогда этот генерал нарочно съездил в Каменец и там старался выставить меня дурно местному дураку губернатору Сухотину, которого я в грош не ставил, завися исключительно, как командированный, от министерства. Но как бы то ни было, а все мои сослуживцы по крестьянскому делу, даже разные идиоты, получили земельные наделы, которые тотчас заарендовали, я же не получил ни аршина земли в Подольской губернии.

Мое «юдофильство» еще гремело в Балтском уезде по тому случаю, что когда в марте 1864 года я, проездом в Балту, ночевал в Тульчине, то забыл там в заездном доме на зеркале прекрасное необыкновенно длинное с русскими кружевами полотенце, подарок моей сестры. В Балте я неоднократно кручинился об этой потере, не зная, где в дороге на перекладных я потерял эту нравственно дорогую для меня вещь. Прошло около 12 месяцев, и вот в начале марта 1865 года я, проездом в Каменец, по делам службы, не ночевал, а завтракал в том же заездном доме. И каково же было мое удивление, когда вдруг на мельхиоровом подносе вертлявый ми-

шурис подал мне драгоценное по памяти о сестре полотенце, сохраненное им в целости целый год все в надежде когда-нибудь встретить-таки меня. Конечно, я поблагодарил честного еврейчика и удивил его наградой, в десять почти раз превышавшею стоимость самой вещи. А вот в бытность мою в Каменце в квартире одного местного чиновника, чистокровного россиянина, я заметил пропажу одного из моих часовых брелоков, вензельной аметистовой печатки, которая улетучилась в руках пятнадцатилетнего сына этого чиновника, ученика местной гимназии.

При рассказах об этих двух случаях я сопоставлял мишуристу Хемку с чадом высокоблагородного чиновника Подольской казенной палаты, исправлявшего в это время должность председателя казенной палаты, отсутствовавшего в Петербурге. И этот случай прибавил массу злобы против меня за мое юдофильство¹³¹.

Возвратясь в Петербург в мае 1867 года, я снова имел некоторые занятия у М. О. Вольфа, постоянно борясь с долговыми тяжкими обязательствами, оставшимися мне от неблагодарного Вольного экономического общества, издания коего были мне по подписочной цене своей (3 рубля в год с пересылкою 12 книг в 10 листов¹³² каждая и 52 номе-

¹³¹ Несколько ниже все эти рассказы о евреях и вообще так называемое «юдофильство» получают от самого же Бурнашева очень неожиданное и даже поразительное изъяснение, свидетельствующее об особенностях его характера. (*Примеч. Н. С. Лескова.*)

¹³² Имеются в виду печатные листы.

ров газеты¹³³, то и другое со множеством различных рисунков и с рассылкою разных приложений вроде, например, пакетиков с редкими семенами) в сильный убыток, а когда на 1857 год общество согласилось прибавить четвертый рубль, то интрига восторжествовала над правдой, и я должен был обратиться в бегство от общества, столько мною одолженно-го и столь дурно со мною поступившего.

В 1866 году, до возвращения моего в Петербург, сестра моя получила кое-какое наследство от старшей сестры своей, умершей в Тамбове, и это наследство в какие-нибудь 7–8 тысяч рублей серебром сестра Софья, недавно умершая и поныне мною оплакиваемая, имела великодушие из дружбы ко мне употребить на погашение окончательное моих долгов, вынесенных из общества в количестве 10 тысяч рублей, оставшись сама при своем только музыкальном таланте, который довольно успешно эксплуатировала, чрез что маленькие свои доходы присоединяла к пенсии матери и к моим в то время скудным средствам. Тогда находчивая и умная моя сестра стала устраивать шамбр-гарни¹³⁴ со столом на самых строгих началах нравственности и хорошего тона, и это покрывало расход на квартиру и на стол, т. е. на два самых существенных предмета в жизни. В это время я получал 1200

¹³³ Речь идет о еженедельных «Экономических записках» (1854–1862), выходивших в качестве приложения к «Трудам Императорского Вольного экономического общества».

¹³⁴ меблированные комнаты (*фр.*).

рублей в «Полицейской газете»¹³⁵.

В 1870 году явился новый журнал «Заря», издаваемый В. В. Кашперевым. В журнале этом был биографико-исторический отдел. Мне пришла мысль попробовать, по совету некоторых из моих приятелей, написать две воспоминательные (ретроспективные) статьи, одну из рассказов моего отца о его встрече в 1809 году с Аракчеевым, другую из моей жизни 30-х годов, когда мне не было еще и 20 лет. Первую я назвал «Крестовская карусель в 1809 году», вторую же «Четверги у Н. И. Греча»¹³⁶. Первая особенно понравилась редакции, вторая же журналистике вообще и всей русской публике, так что эти статьи вдруг и совершенно неожиданно высоко, высоко, высоко подняли меня из того загона, в каком я, по различным интригам и преследованиям врагов, находился. На меня стали снова обращать внимание, и вот в 1871 году в июне месяце меня пригласил В. В. Комаров участвовать в его газете «Русский мир» – преимущественно по ретроспективной части в отделе фельетона или «нижнего этажа», и я ему до 1 января 1872 г. дал несколько статей, и, между прочим, статью «Моя служба под начальством Д. Г. Бибики-

¹³⁵ Имеются в виду «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и Санкт-Петербургской городской полиции», которые Бурнашев редактировал в 1867–1870 гг.

¹³⁶ Из воспоминаний петербургского старожила. I. Аракчеев и Крестовская карусель // Заря. 1871. № 2. С. 164–190. Подп.: В. Б.; Из воспоминаний петербургского старожила. II. Четверги у Н. И. Греча // Заря. 1871. № 4. С. 3–45. Подп.: В. Б.

ва»¹³⁷. Статья эта, заключающая в себе одну лишь глаза режущую правду, озлила вдову Бибикова и была причиною самых жестоких преследований этой разъярившейся госпожи, которая особенно недовольна была тем, что я о ее высокопревосходительстве отзывался как она того заслуживала, ничего не газирова¹³⁸ и не подкрашивая, а все начистоту, приводя, впрочем, всему неопровержимые факты. Г. Комаров рекомендовал меня М. Н. Каткову, который в четырех последних номерах 1871 года «Русского вестника» напечатал мою статью «Воейковские пятницы», имевшую успех, а за весь 1872 год, т. е. 12 номеров своего ежемесячного журнала, он занял моею в 30 печатных листов статьею под названием «Моя служебная и частная деятельность в 1830–1840 годах», где собрана масса интересных эпизодов¹³⁹. В том же 1872 году я напечатал в «Русском архиве» статью «Лермонтов в воспоминаниях своих однокашников»¹⁴⁰, которая обратила тогда внимание графа Д. А. Милютина, рекомендовавшего ее для

¹³⁷ Моя служба при Дмитрие Гавриловиче Бибикове (1828–1832 гг.) // Русский мир. 1871. № 89, 91, 101, 103, 113, 114, 115.

¹³⁸ То есть не прикрывая, не смягчая – галлицизм; производное от глагола *gazer*.

¹³⁹ См.: Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 9–11. Подп.: Петербургский старожил В. Б.; Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834–1850 // Русский вестник. 1872. № 5–10, 12. Подп.: Петербургский старожил В. Б.

¹⁴⁰ Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников // Русский архив. 1872. № 9. Стлб. 1770–1850.

прочтения великому князю Владимиру Александровичу. В том же 1872 году я печатал мои воспоминательные статьи в «Русском мире»¹⁴¹, как вдруг в августе месяце того же года в трех или четырех номерах этого листка явилась не критическая, а с начала до конца пошлая, ругательная, длинная, бездоказательная статья против меня¹⁴² с нахальными выходками, лично ко мне относившимися, ко мне, считая меня все-таки сотрудником газеты, помещающей на столбцах своих такие грубые порицания. Я потребовал от безалаберного Комарова, чтобы в удовлетворение мне он в своей же газете немедленно напечатал мой отпор, но он, дав мне честное слово исполнить мою справедливую просьбу, обманул меня и отпора моего не напечатал, а потому с 1 сентября 1872 года я с этим бесхарактерным и почти сумасшедшим человеком расстался, перейдя в газету «Биржевые ведомости», которых фельетонный отдел с 1 сентября 1872 по 1 января 1874 года я постоянно наполнял моими ретроспективными статьями¹⁴³, что давало мне до 2 тысяч рублей в год. Но на 1874

¹⁴¹ Отрывок из воспоминаний о графе Е. Ф. Канкрине // Русский мир. 1872. № 42; Забавный случай из жизни А. С. Грибоедова // Там же. 1872. № 82; Визитная карточка провинциального новатора // Там же. 1872. № 169; В 1825 году // Там же. 1872. № 178; Представление М. М. Сперанскому в 1828 году // Там же. 1872. № 183, и др.

¹⁴² А. Р. Замечания на некоторые статьи из воспоминаний Петербургского сторожила В. Б. // Русский мир. 1872. № 217, 218. 22, 23 авг.

¹⁴³ Пинетиевская штука кредитора // Биржевые ведомости. 1872. № 242, 243; Улан Клерон // Там же. 1872. № 268, 269; Булгарин и Песоцкий, издатели еженедельного журнала «Эконом», в сороковых годах // Там же. 1872. № 284, 285;

год Трубников оказался в столь дурных финансовых обстоятельствах, что вынужденным нашелся передать свою газету г. Полетике, с которым я сношений не имел. В 1874 году я печатал некоторые мои статьи в «Ниве» и в «Петербургской газете», а также в «Деле» под псевдонимом Эртаулова¹⁴⁴. Одна из моих статей в «Деле» «Орловский крепостной театр графа С. М. Каменского» (в 20-х годах) имела успех и была цитирована многими газетами, а статья «Александр Ефимович Измайлов, журналист-фабулист и шутник» была высоко поднята всею журналистикою, делавшею из нее множество извлечений. Даже строгая критика тогдашних «Отечественных записок» посвятила этой статье несколько столбцов с избытком похвал *неизвестному* (??!!) автору ее¹⁴⁵, так

1-я сельскохозяйственная выставка в Петербурге // Там же. 1872. № 298–300; Встреча с Аракчеевым в 1828 году на станции в Новгородской губернии // Там же. 1872. № 312–314; А. П. Ермолов в 1827 году в гостях у моего отца в Орле // Там же. 1872. № 355; Необыкновенная портерная кружка Ф. В. Булгарина // Там же. 1873. № 60, 66; Невидимка уланский офицер // Там же. 1873. № 96; Персидский принц Хозрев-Мирза в Петербурге, в 1829 году // Там же. 1873. № 121, 123, 127, и др.

¹⁴⁴ См., например: Дядюшка Федор Алексеевич в столице (Из воспоминаний петербургского старожилы) // Нива. 1871. № 24. С. 369–372. Подп.: В. Б.; Воспоминания о В. Г. Жукове // Петербургская газета. 1883. № 234–236, 240, 241. Подп.: В. Б.; Начало и первые основания баснословных богатств некогда (с 20 по 60 гг.) знаменитого В. Г. Жукова (воспоминания) // Там же. 1883. № 287, 289. Подп.: В. П. Б.; Воспоминание о некогда знаменитом театре графа С. М. Каменского в г. Орле // Дело. 1873. № 6. Паг. 2. С. 184–219. Подп.: Гурий Эртаулов; Воспоминания об А. Е. Измайлове // Дело. 1874. Паг. 1. С. 151–198. Подп.: Эртаулов.

¹⁴⁵ См.: *Пароголовский мизантроп* [Скабичевский А. М.] Мысли и впечатления,

как псевдоним мой не был известен по новости своей (Артемий Эртаулов)¹⁴⁶.

В этом 1874 году, в течение нескольких месяцев, получая по 100 рублей в месяц, я, по приглашению одного из начальников экспедиций III отделения собственной канцелярии (т. е. жандармского), принял занятия частных работ, состоявших в редактировании докладных записок для государя императора. Таких частных наемников при графе Шувалове, в помощь штатным чиновникам канцелярии, было до 60 человек, которые с поступлением генерала Потапова все были уволены немедленно, и в том числе я, пробывший там всего 4 месяца, но за эти 4 месяца жестоко пострадавший нравственно, потому что, узнав о моем нахождении (впрочем, совершенно невинном) в стенах этого ненавистного учреждения, почти вся журналистика от меня отшатнулась¹⁴⁷, что, впрочем, не помешало мне под псевдонимом

навеваемые текущую литературу // Отечественные записки. 1874. № 7. Отд. 2. С. 99.

¹⁴⁶ Правильно: Гурий Эртаулов.

¹⁴⁷ В записке «Два месяца занятий по найму в I экспедиции 3-го отделения С. Е. И. В. канцелярии в июне и июле 1874 г.» (ИРЛИ. № 30934. Л. 3–4 об.) Бурнашев писал, что в III отделение его устроил литератор Дмитрий Петрович Сушков, который заведовал там журнальной частью (то есть надзором за журналистикой). Согласно этому источнику, он получал там не 100, а 80 рублей в месяц, работал в шумном помещении и «расстроил нервы». Последствием же было следующее: «...общение мое со многими лицами, расположенными ко мне прежде, сделалось как-то натянутым с тех пор, что лица эти узнали о моем двухмесячном нештатном пребывании в стенах 3-го отделения, потому что до сих пор в публике существует какой-то предвзвешенный относительно этой службы» (Л. 4 об.).

еще новым Касьянова издать книгу ретроспективно-юмористическую под названием «Наши чудодеи»¹⁴⁸, имевшую изрядный успех¹⁴⁹.

В этом же 1875 году в «Пчеле», которую тогда издавал известный наш художник г. Микешин, а редактировал П. Н. Полевой, я поместил статью также воспоминательную под названием «Ловеласничество барона Брамбеуса»¹⁵⁰.

В 1876 году я принял еще новый псевдоним, Арбашев, под каким много работал в журналах «Природа и охота» (Л. П. Сабанеева) и «Сельское хозяйство» (Ф. А. Баталина), а также в «Земледельческой газете» (его же). Эти господа платили мне порядочно, однако менее, конечно, чем сколько платил в 1871–1872 годах г. Катков, но все-таки дававшие мне от 45–50 рублей с листа за статьи чисто статистико-коммерческо-этнографико-естествознательного характера, каковые были «Живорыбная торговля», «Продажа певчих птиц и способы их лова», «Молочные фермы в Петербурге», «Пушная (меховая) торговля», «Живность в ку-

¹⁴⁸ Наши чудодеи: Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода / Сост. Касьян Касьянов. СПб., 1875.

¹⁴⁹ На этот счет покойный Б[урнашев] также ошибается. «Частная служба» его в III отделении не была известнее, чем такая же служба упоминаемых в бумагах других лиц, занимавшихся и службою названного рода, и литературою, и даже редакторством. Имена их сохраняются в списках, уцелевших от времени генерала Мезенцова, и находятся в руках благонадежных. (*Примеч. Н. С. Лескова.*)

¹⁵⁰ Барон Брамбеус в интимном обществе (Из «Воспоминаний петербуржца» 1846 г.) // Пчела. 1875. № 26. С. 316–317; № 27. С. 326–328; № 28. С. 338–340; № 29. С. 350–352. Подп.: Вадим Байдаров.

приятном ряду», «Дичина пернатая и четвероногая на съестном рынке», «Огороды петербургские и подпетербургские», «Яичное производство во всей России с своими оригинальными особенностями» и пр. и пр. и пр.

Сделав перечень части моих серьезных и, по справедливости, занимательных и поучительных статей, не могу умолчать о том приятном для меня обстоятельстве, что тогдашний министр государственных имуществ граф П. А. Валуев, может быть плохой министр, а еще более плохой романист, но все-таки человек громадно образованный, дельный и умный, обратил свое просвещенное внимание на эти мои статьи о торговле и, как сказывал мой редактор «Сельского хозяйства» и «Земледельческой газеты» Федор Александрович Баталин¹⁵¹, спрашивал его: «Кто этот Арбашев, который у нас печатает такие *великолепные* статьи?»¹⁵² Как хотите, а такой отзыв как бы то ни было одного из умнейших наших сановников чего-нибудь да стоит и заставляет меня скорее, чем что другое, забывать злонамеренный лай моих врагов и завистников.

Не лишнее, однако, сказать, что все эти статьи были не что иное, как несколько дополненное и исправленное повторение вторым изданием многого множества моих собственных

¹⁵¹ Ф. А. Баталин с 1865 г. по 1895 г. редактировал издаваемые Министерством государственных имуществ журнал «Сельское хозяйство и лесоводство» и «Земледельческую газету».

¹⁵² Эти именно слова были мне переданы редактором «Земледельческой газеты» и журнала «Сельское хозяйство» Федором Александровичем Баталиным.

в этом роде статей, чисто оригинальных, напечатанных мною с мая 1870 года по июнь 1876 года, в течение семи лет, в газете «С.-Петербургского градоначальства и полиции», где за 1200 рублей в год я по контракту с канцеляриею генерала Трепова обязан был давать по одной и даже по две статьи в этом роде в неделю, а в течение семи лет моего контрактом оформленного сотрудничества было более 370 статей статистико-этнографико-естествознательного характера. Кроме статей собственно о той, другой или третьей торговле, было немало и даже весьма много очерков и этюдов петербургских типов, как ремесленных, так и иных различных, каких имеется до 100, напечатанных в газете «Градоначальства и полиции» под редакторством С. В. Максимова за последние 10–15 лет, составляющей ныне решительно библиографическую редкость из редкостей и находимую лишь в Императорской публичной библиотеке, в редакции С. В. Максимова и в конторе «Ведомостей градоначальства и полиции». Вот перечень некоторых, всего 30 из 100 этих очерков-этюдов:

- 1) «Кошачий маркитант»; 2) «Татарин халатник»; 3) «Пирожники в пирожных и на улицах»; 4) «Гречневики»; 5) «Костяники»; 6) «Трубочисты»; 7) «Парикмахеры»; 8) «Архангельцы с рябчиками и с олениной»; 9) «Торговля аптекарскими материалами и косметиками»; 10) «Охтяне и охтянки»; 11) «Мелочной лавочник с своими фокусами»; 12) «Проба лошади на конной площади и технический язык (жар-

гон) барышников»; 13) «Скорняки»; 14) «Портные штучники»; 15) «Фуражечники»; 16) «Гусачники»; 17) «Банщики»; 18) «Петербургский половой»; 19) «Словаки-жестяники»; 20) «Ледоколы»; 21) «Тряпичники»; 22) «Злотари (очистители отхожих мест)»; 23) «Извозчики (все оттенки промысла)»; 24) «Рыбаки на тонях»; 25) «Петербургские охотники»; 26) «Дровяной промысел, рубка и продажа дров»; 27) «Торговля грецкою губкою»; 28) «Бурлаки и бурлачество»; 29) «Ревельская килька» и 30) «Полотнянка (калужская канарейка) и приезжие из заштатного города Полотняного завода¹⁵³ в столицу продавцы калужских канареек» и пр. и пр. и пр., всего до 100 очерков-этюдов. Мне казалось бы, что «Газета Гатцука» для многих таких статей как нельзя более подходящее, владея массою клише, из коих иные вполне кстати были бы.

Все сведения и факты об этих всех торговлях, промыслах и ремеслах получались мною далеко не легко и не дешево в нравственном смысле, ибо добывание *данных* от наших невежественных и грубых производителей торговли и всяких промыслов представляло трудности, иногда просто невообразимые, употреблять же сколько-нибудь давление на этих людей, при содействии властей, было решительно возбранено Ф. Ф. Треповым. Правда, что с каждым годом я открывал все более и более помощников из числа наиболее образованных производителей, и уже в 1873-м и дальнейших

¹⁵³ Полотняный завод никогда не имел статуса города, он был селом.

годах мое дело стояло для меня не в пример легче, чем в 1870, 71 и 72 даже годах. Главные мои в этом деле добывания данных помощники были И. А. Поэнт (Pointe), обруселый француз, блестяще образованный, торгующий колониальными, фруктовыми и гастрономическими товарами; В. С. Семенов, рыбак, владелец большого живорыбного садка у Аничкина моста; А. Ф. Баранов (яичник и содержатель Мариинской огромной гостиницы в Чернышевом переулке; он умер за несколько лет перед сим); Е. А. Грачев¹⁵⁴, огородник-ботаник, замечательно умный, также не так давно умерший; М. Д. Котомин (огородник en gros¹⁵⁵, глава огородной биржи на Сенной в трактире Иванова); Никита Федорович Козьмин, человек маститой старости, специалист торговли живностью и дичью, сообщивший мне бесчисленное множество любопытных данных, и, наконец, Д. П. Мозжечков, пряничник и куреныщик¹⁵⁶, и несколько других не столь знаменательных, но все-таки оказавших мне несомненную пользу, потому что написать статью по сообщенным данным и группированным фактам было мне уже не столь трудно; но, повторяю, собрать и добыть эти факты и данные – это была геркулесовская умственная работа, за которую следовало платить не 1200 рублей в год, само собою разумеется.

Затем я старался из этих моих семилетних работ (1870 до

¹⁵⁴ У Бурнашева ошибочно: Е. Ф. Грачев.

¹⁵⁵ оптом (*фр.*).

¹⁵⁶ Куреныщик – содержатель небольшой продуктовой лавки.

1877 г.), доставивших мне за все это время 8400 рублей, извлечь сколь можно больше меркантильной пользы, почему многие из этих монографий продал, как видите, вторым изданием в журналы «Природа и охота», «Сельское хозяйство» и «Земледельческую газету» на довольно выгодных для меня основаниях. Говоря об этом, кстати приведу странный случай, бывший по поводу этих статей.

Когда в начале весны нынешнего года явилось объявление англичанина и преподавателя в Коммерческом училище и в некоторых других казенных заведениях – мистера Уильяма Брея об издании им воспитательного журнала для русского юношества с громким названием «Юная Россия»¹⁵⁷, я познакомился с мистером Бреем и нашел в нем господина, взявшегося за дело, о котором он понятия не имеет, равно как о России (как юной, так и древней), а также и слабого в русском языке, почему я с ним постоянно беседовал и переписывался по-французски, но и тут оказалось, что г. Брей затруднялся ежели не конверсировать¹⁵⁸ с грехом пополам, то корреспондировать по-французски¹⁵⁹. Я ему рассказывал, что у меня до 370 статей по предметам торговли, промысловости и этнографии русских производителей: ремесленников, фабрики-

¹⁵⁷ В. В. Брей издавал иллюстрированный журнал для юношества «Юная Россия» в 1884–1887 гг.

¹⁵⁸ разговаривать (*фр.*).

¹⁵⁹ О В. В. Брее см.: *Финдейзен Н. Ф.* Из моих воспоминаний. СПб., 2004. С. 120–122.

кантов и торговцев. Такие статьи, напечатанные за 9–14 лет пред сим в газете, никем не знаемой, я мог бы несколько видоизменить согласно с характером журнала, предназначенного для русского юношества, и затем предоставить ему на основаниях, для него далеко не разорительных. Образчики этих статей, рассказанные мною г. Брею по-французски, ему понравились, и он тотчас самым любезным образом изъявил готовность взять у меня разных этого рода статей на 220 рублей серебром, а также и брать подобного рода статьи у меня и на будущее время, причем везде напечатал объявление о том, что скоро явятся в «Юной России» статьи о шубном товаре, о торговле рыбою, молочными скопами¹⁶⁰, яйцами и пр. Я дал ему, кажется, около 25 статей, из числа коих г. Брей в № 1 и № 2 своего журнала напечатал мою статью под псевдонимом Геннадий Светозаров, именно «Петербургская торговля певчими птицами», в которой есть много анекдотичных занимательных подробностей, и я знаю некоторых педагогов, читавших эту мою статью и изъяснивших удивление, что г. Брей, владея множеством моих подобных статей, ни в одном из пяти номеров, вышедших после второго номера (ныне во второй половине августа вышло всего 7 номеров этого странного журнала), ничего из огромного запаса моих *купленных и одобренных им статей* не печатает. Но тут sua anguille sous roche¹⁶¹ та, что г. Брей оказывается бесхарактер-

¹⁶⁰ То есть молочными продуктами.

¹⁶¹ тайная причина (*фр.*).

ным и пустейшим существом, которое отдало себя оседлать кому-то из моих тайных врагов, каких у меня, к горю моему, немало между современными нигилистами, и этот-то нигилистишка уверил простофилю Брея, что мои статьи *слишком патристичны* на русский лад. Не очень давно я встретил мистера Брея на улице и спросил его о причине непечатания им моих купленных им статей. На это Брей, читавший, как уверял меня, все купленные им, до покупки их, мои статьи в рукописях в апреле месяце, сказал мне: «Comment voulez-vous, cher monsieur B – ff, que j'imprime dans *mon journal* vos articles, qui à cent lieux puent le patriotisme et le chauvinisme *archi-russe*»¹⁶². Ну, разодолжил, друг любезный, разодолжил, нечего сказать. Вот умница, вот голова-то со всем чем хотите, кроме мозгов. Разумеется, после этого заявления я с этим *умницей* никогда никаких сношений иметь не буду.

Невольным образом на крыльях ретроспективности переносюсь за полвека пред сим и убеждаюсь, что далеко не так смотрел на *partiotisme russe* господин Charles de Julien, сначала лектор, а потом профессор французского языка в С.-Петербургском университете, которому в 1829–1830 годах было не более 23–24 лет. Он тогда, не зная ни слова по-русски, издавал еженедельный литературно-светский премиленький листок «Le Furet» («Хорек»). Ему захоте-

¹⁶² «Как вы хотите, уважаемый господин Б[урнашев], чтобы я напечатал в *своем* журнале ваши статьи, которые за сотню лье воняют патриотизмом и *архирусским* шовинизмом» (*фр.*).

лось иметь на своих столбцах рубрику, посвященную à la littérature russe du moment¹⁶³, и вот по рекомендации Н. И. Греча французик этот крохотный, субтиленький пригласил меня rédiger (разумеется, безвозмездно) cette rubrique de sa feuille hebdomadaire¹⁶⁴. Мне было 17–18 лет от роду, и я подписывал мои статьи: W. B – ff (непременно с этим окончанием, чтобы видели все, что статьи эти пишет русский). Недавно как-то в Публичной библиотеке я вздумал просмотреть, через 55 лет, мои тогдашние ребяческие грехи в русской литературе. О, господи боже мой! Чего, чего только я тут не встретил! Какие мнения, какие суждения! Все это было до крайности детско и плавало в *патриотическом квасу*, против которого издатель французик ни малейше не вооружался, а, напротив, однажды с особенным восхищением сказал мне:

– Avant-hier à un bal ou madame la comtesse de Laval (он был секретарем у графа Лавалья и с тем вместе, как болтала скандальная хроника, чичисбеем толстухи старухи графини, могшей быть ему бабушкой¹⁶⁵), a bien voulu me conduire, bal honoré par la présence de leurs majestés, – l'empéreur, auquel j'ai eu le bonheur d'être présenté, a bien voulu me dire: «Je suis en général assez content de votre feuille, monsieur, et surtout

¹⁶³ современной русской литературе (*фр.*).

¹⁶⁴ вести ... эту рубрику своего еженедельного листка (*фр.*).

¹⁶⁵ Бурнашев несколько преувеличил, разница в возрасте у Лаваль и Сен-Жюльена составляла 30 лет.

pour vos articles sur la littérature russe du moment». – «Ces articles ne sont pas de moi, Sire, – имел благородство сказать St. Julien, – ils appartiennent à la plume d'un tout jeune homme, dont dernièrement (этот разговор был в январе 1830 года) un article de l'Abeille du Nord, une monographie, je crois, d'un fabricant de tabac Joukoff a eu la chance bien heureuse d'intéresser votre majesté». – «Ah! vraiment», – заметил государь и прибавил: «Chargez donc votre jeune collaborateur de vous donner une traduction de cet article ne fut-ce qu'en extrait. Vous verrez qu'on lira avec curiosité et intérêt cette biographie anecdotique d'un Gilblaz mougik et peut-être les feuilles parisiennes réimprimeront l'article»¹⁶⁶.

Я тогда же исполнил высочайшую волю, столь в те времена мне, мальчику, лестную, и передал г. Сен-Жюльену перевод статьи, но в довольно сжатом сокращении. Однако вскоре мой французик, вызванный в отечество смертью дяди

¹⁶⁶ Третьего дня, на бале, куда графине Лаваль угодно было меня привезти, бале, удостоенном присутствием его величества, император, которому я имел счастье быть представленным, изволил мне сказать:– Я доволен вообще вашей газетой, а в особенности статьями о современной русской литературе.– Эти статьи не мои, ваше величество; они принадлежат перу совсем молодого человека, монография которого о табачном фабриканте Жукове, напечатанная недавно в «Северной пчеле», имела счастливый случай заинтересовать ваше величество.– А! в самом деле! Поручите же вашему молодому сотруднику сделать для вас перевод этой статьи, хотя бы в извлечении. Вы увидите, что эту анекдотическую биографию «Жильблаза-мужика» будут читать с любопытством, и, может быть, парижские газеты ее перепечатают (*фр.*). (*Перевод Н. С. Лескова.*)

(действительно какого-то пребогатого oncle d'Amérique¹⁶⁷), уехал во Францию, в Марсель, откуда он был родом, чтоб там получить наследство довольно изрядное, которое потом он спустил в Париже и в 60-х годах, т. е. 30–40 лет спустя после того, что я сотрудничал в его «Furet», уже в летах довольно преклонных профессорствовал в Петербургском университете и снова издавал здесь французский журнал, не имевший ни успеха, ни значения¹⁶⁸. Во время этого вторичного появления господина Сен-Жюльена в Петербурге я с ним никаких сношений не имел, а знаю только, что моя статья о Жукове, переданная мною редактору «Furet» в конце января 1830 года, не была в его листке напечатана, но в 1831 году господин Сен-Тома, лектор С.-Петербургского университета и издатель еженедельного листка «по образу и подобию» «Furet» – «Le Miroir», просил меня дать ему экземпляр этого перевода статьи о Жукове, что я тогда же и исполнил, и статья о «Gilblaz-mougik Basile Joukoff» была напечатана в «Miroir» 1831 года, кажется, в апреле или мае месяце.

Познакомясь с этим самым «Gilblaz-mougik» Василием Григорьевичем Жуковым в ноябре 1829 года, я продолжал

¹⁶⁷ американского дядюшки (*фр.*).

¹⁶⁸ Шарль де Сен-Жюльен преподавал французский язык в Петербургском университете с 1830 до 1846 г., потом уехал во Францию в 1846 г., а в 1852 г. вернулся. Он путешествовал по России, сотрудничал в русской и зарубежной франкоязычной прессе, а в 1858–1859 гг. издавал в Петербурге на французском языке газеты «Le Dimanche» (см.: *Сперанская Н.* Петербургская газета «Le Furet» / «Le Miroir» (1829–1833) // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 397).

мое с ним знакомство и бывал на его эксцентрических пирах, когда летом в Екатерингофе шампанское Жукова распивали как знакомые его, так [и] вовсе не знакомые с ним, — до 1837 года, когда Жуков женился в третьем браке на смолянке «исторической» Марии Парижской¹⁶⁹. Дерзкое обращение этой молодой капризной самодурки отогнало очень, очень многих, и в числе этих многих и меня, от гостеприимного крова Жукова. Но ведь правду гласит старинная наша пословица: «Гора с горой не сходятся, а человек с человеком сойдутся». И вот, по истечении 40 лет я, в течение этого времени вовсе не бывавший у Жукова и ни разу не выдавший его, как-то непонятно опять с ним сошелся, и эта встреча в 1877 году повела к тому, что как-то так устроилось, что я без весьма малого *шесть лет* изо дня в день, из часа в час провел с Жуковым, какое сообщество с этим маститым маньяком-эгоистом наградило меня за гонорар в 1500–2000 рублей в год неизлечимыми ревматизмами и болезнью сердца, благодаря всему тому, что я в эти шесть лет физически и нравственно испытал в сношениях моих с этим диким самодуром и бессердечным, грубым эгоистом, влюбленность которого в свое «я» доходила до абсурда. Один из моих знакомых, которому известен был плюшкинский образ жизни Жукова в вечно холодном из экономии и заросшем грязью, по страсти к грязи, кабинете и вообще его различные гнусно-возмути-

¹⁶⁹ По слухам, Мария Парижская была дочерью французской актрисы мадмуазель Жорж (Маргариты Жозефины Веймер) от императора Александра I.

тельные выходки, говаривал обо мне: «В эти шесть лет, проведенные Владимиром Петровичем с Жуковым ежедневно, ежечасно, то же самое, что ежели бы судьбе угодно было на шесть лет положить его в отвратительную могилу, полную червей, с разложившимся трупом».

Такое положение, конечно, никакими деньгами не вознаграждается¹⁷⁰.

Хотя Жуков в эти шесть лет постоянно молчал о том обстоятельстве, что моя статья 1829 года в «Северной пчеле» вполне поставила его на ноги и даже воскресила, он, проникнутый самою грубою неблагодарностью, никогда не упоминал об этом столь важном в его жизни обстоятельстве, но со всем тем он чуть не ежедневно говорил мне, что я не забыт в его духовном завещании, одною из статей которого мне назначено 10 тысяч рублей на память о нем, с тем, чтобы я выпустил в свет *книжку о нем*. Я имел слабость верить этому жуковскому толкованию, повторяю, почти ежедневному, и, признаюсь, жил в этой мечте до 17 декабря 1882 года, т. е. до дня смерти Жукова, когда мне сообщили не духовное завещание, какого вовсе и не было, а *проект духовного завещания*, на основании которого, с устранением от всякого наследства трех замужних дочерей, как уже достаточно им награжденных при замужестве (по 150 тысяч рублей сереб-

¹⁷⁰ Труды Бурнашева при Жукове заключались в том, что Бурнашев у Жукова был «компаньоном». Он приходил к нему утром, читал ему вслух, кушал с ним вместе и вечером уходил – за это Жуков давал Бурнашеву 2 тысячи рублей в год. В другой тетради Бурнашев Жукова хвалит. (*Примеч. Н. С. Лескова.*)

ром каждой), все, что оставалось в недвижимом и движимом имуществе, переходило полуидиоту от пьянства, единственному в живых оставшемуся сыну¹⁷¹, на которого, между прочим, возлагалось немедленно уплатить по оставленным им трем его любовницам капитал до 50 тысяч рублей серебром. Да, этот 87-летний развратник обеспечил только трех своих гетер. Обо мне же не было и слова упоминания в проектированном завещании.

Такое злодейское отношение ко мне жестоко огорчило меня, усилив мгновенно мою болезнь сердца, чрез что у меня окончательно образовался *аневризм*, от которого я рискую умереть скоропостижно, при разрыве сердечной плевы. Аскультировавшие¹⁷² меня врачи, из лучших в Петербурге, мне это предсказали. Но я надеюсь и молю Бога, чтобы не умереть, не издав книги (в 30 печатных листов), мною написанной и рукопись коей, приготовленная в печать, находится в настоящее время в Москве, нося заглавие такое: «Самородок-самодур. 100 (сто) эпизодов из анекдотивно-эксцентричной жизни некогда (с 20 на 60-е годы) громкознаменитого Василья Григорьевича Жукова»¹⁷³.

Некоторые очень рельефные и довольно откровенные отрывки из этой книги были напечатаны в 1883 г. (сентябрь и

¹⁷¹ Имеется в виду Матвей Васильевич Жуков.

¹⁷² Галлицизм от глагола *ausculta* (выслушивать – в медицинском смысле слова, то есть посредством стетоскопа).

¹⁷³ Эта книга не была издана, и местонахождение рукописи ее нам не известно.

октябрь) в «Петербургской газете», а другие, до выхода означенной книги к концу 1885 года, в «Живописном обозрении» или в новосозданном журнале «Родина» г. Пономарева¹⁷⁴, впрочем, журнале до того негласном, что никто в Петербурге не знает о его скромном существовании¹⁷⁵.

¹⁷⁴ См.: Деревянный вексель (Из воспоминаний о В. Г. Жукове) // Живописное обозрение. 1884. № 40. С. 218–220. Подп.: В. Б.; Из далекого прошлого. Мария Александровна Жукова, нареченная при Св. крещении «Мария Парижская» // Родина. 1885. № 27. Стлб. 839–842. Подп.: Вадим (Павл.) Байдаров; Чиновничья шевелюра, выращенная стараниями и деньгами В. Г. Жукова // Там же. 1885. № 35/36. Стлб. 1055–1056. Подп.: Вадим Байдаров.

¹⁷⁵ Завершая очерк, Лесков писал: «Вл. П. Бурнашев почти до самого последнего дня своей жизни постоянно озабочивался и даже, можно сказать, сгорал желанием издать этот труд или, по крайней мере, дать как можно большую огласку сделанным оттуда извлечениям, и если его „Жуковиада“ до сих пор не достигла еще большого распространения, то это уже не по его вине, а по подозрительности редакторов, которые сомневались в беспристрастном отношении автора к Жукову. Такая осторожность со стороны редакторов была совершенно уместна, но В. П. Бурнашев продолжал заниматься сгущением красок на изображении Жукова беспрестанно и всегда делал это со страстностью, которой нельзя было не удивляться. Иногда это было похоже на какой-то „пункт помешательства“. Тайна этого влечения раскрывается только теперь в его собственноручном „формуляре“, который, по словам покойного автора, „должен представлять его литературную исповедь в биографической форме, – ежели не сполна, то отчасти“. Здесь В. П. Бурнашев откровенно говорит, что Жуков его обидел тем, что обещал не позабыть его в своем духовном завещании, но обещания этого не исполнил, а В. П. Бурнашев, доживая свой затянувшийся век в большой бедности, постоянно имел достаточные причины вспоминать об этом. Признание это во всяком случае служит доказательством, что „формулярный список“, если не весь сплошь, то хоть по местам, составлен автором с правдивою искренностью, – что возвышает его достоинство. В том же самом если не меньше, то еще больше убеждают и два другие места этой исповеди – одно, где Бурнашев говорит о своих „част-

ных занятиях“ при III отделении, и другое, где он объясняет, зачем написал здесь довольно горячие похвалы уму, расторопности и трудолюбию евреев. На марже (то есть на полях. — А. Р.) против того места, где он хвалит евреев, собственною рукою Бурнашева, но иными чернилами написано следующее: „Мотив требует объяснения: дело в том, что вся тетрадь (эта) была отдана г. Ландау, издателю „Восхода“ — органа евреев. Г. Ландау предоставил мне у себя кое-какую работу в то время и интересовался моими чувствами относительно евреев. Желая задобрить г. Ландау, я включил сюда несколько персиков, подносимых мною семитам, не вполне в согласность моим убеждениям“. Имело ли какие-либо последствия это поднесение „персиков семитам“, В. П. Бурнашев при жизни никогда не говорил, но последующие обстоятельства его бедственного существования заставляют предполагать, что десерт, поданный им семитам, пропал даром. Я предполагаю, что он даже позабыл, что в его „формуляре“ есть эта приписка о „персиках“, — что и повело к довольно смешному происшествию в самые горестные минуты бурнашевского доживания. Он, как я выше сказал, в своих горестях и болезнях иногда обращался ко мне с тою или с другою просьбою, из которых я все мало-мальски возможные и для меня посильные старался исполнять, что было не всегда легко и удобно, тем более что его просьбы часто бывали невыполнимы. Тогда он обижался и сердился, но потом через некоторое более или менее продолжительное время опять писал мне — извинялся и просил о чем-нибудь снова. Так случилось и в последнюю мою с ним ужасную встречу, когда я его нашел совершенно без средств, без помощи, обернутого оконною шторою из зеленого коленкора и ползавшего на четвереньках. Страдальческое положение его было ужасно, а Литературный фонд, к которому несчастный старик обращался, не торопился хоть сколько-нибудь облегчить его бедствия. Надо было достать средства, чтобы заплатить его долги и поместить его пансионером в порядочную лечебницу. В помощь от Литературного фонда он уже не верил, а желал учредить лотерею, в которую предполагал пустить свое „сочинение о Жукове“... Понятно, что такое желание нельзя было исполнить, а в других бумагах его не было ничего такого, что могло бы иметь хоть какую-нибудь цену для редакций — особенно после того, как Бурнашев написал неосновательности о Подолинском и о прочем, и в редакциях никакому его писанию не хотели верить. А между тем старик ужасно бедствовал, и ему надо было помочь во что бы то ни стало. Я стал перелистовать его „формуляр“, и мне показалось тут кое-что пригодное на этот злополучный случай в его жизни. Именно я остановился на добрых отзывах Бурнашева

о евреях. Имея хорошего знакомого между учеными петербургскими евреями, я показал ему это место в „формуляре“, и он тоже нашел, что „это хорошо“ и что „евреям следовало бы поддержать в тяжелую минуту такого человека“. Для этого показалось полезным ознакомить с формуляром одного еврейского мецената. Я сказал об этом Бурнашеву, и тот сейчас же выразил на это полное согласие, после чего формуляр и был мною передан моему знакомому. Мы решили просить мецената поместить Бурнашева в Мариинскую больницу „платным пансионером“. Но дни проходили, и с каждым днем положение больного становилось все хуже, а со стороны еврейского мецената не обнаруживалось ожидаемого благоволения, – тогда я обратился к А. С. Суворину с просьбою рассказать в „Новом времени“ о бедственном положении старика с целью вызвать к нему общественное милосердие. Суворин на другой же день напечатал мое письмо, и этим путем в три дня были быстро собраны первые деньги, из которых заплатили долги Бурнашева и сам он был помещен пансионером в Мариинскую больницу. Через „Новое время“ было получено более пятисот рублей, а когда больной был уже помещен, тогда и Литературный фонд прислал ему через контору Мариинской больницы – 50 руб. Когда больной был помещен, я озабочился получить обратно его „формуляр“ и в этот раз прочел его уже основательно, от начала и до конца – и только тогда дочитался до „персиков“ и понял комизм нашего представительства у мецената... Qui-pro-quo с „персиком“ является, впрочем, не единственным в литературных памятниках, оставленных Бурнашевым, с которым поэтому и надо обращаться с большою осторожностью. Так, например, для того из наших исторических романистов, который может пожелать воспользоваться материалами, заключающимися в „Жуковиаде“, стоит упомянуть, что характер и деятельность некогда известного Василья Григорьевича Жукова представлены Бурнашевым в двух совершенно противоположных освещениях. В находящихся у меня бумагах этого автора есть, например, тетрадь, тоже писанная самим Бурнашевым, о том же Жукове в те дни, когда Бурнашев еще не ожидал, что Жуков позабудет его в своем духовном завещании; и там Жуков изображен самым прекрасным человеком. Тетрадь помечена 19 апреля 1877 года, и сейчас же под этою пометою сделана следующая собственноручная же надпись Бурнашева: „Это было прочтено мною Жукову, давшему мне 50 руб. и сделавшему своим лектором“. На поле другая надпись: „Тут много высказано чистейше искреннего“. Тетрадь озаглавлена: „Свет не без добрых людей“. В предисловии сказано, что „записка эта была дана 6 апреля (1877 года) знакомому литератору, имеющему большие связи

в журналистике и служащему в Министерстве путей сообщения по статистическому отделу господину [Ф. Ф.] Воропонову, но как я увидел, что этот господин в пользу мою ничего не делает и делать не хочет, то я записку эту у него отобрал, предпочитая отдать ее добрейшему и благороднейшему Василию Григорьевичу Жукову“. Тетрадь начинается рассказом о том, что „в 1830 году напечатана была мною в „Северной пчеле“ биографическая статья „Табачный фабрикант Василий Григорьевич Жуков“. Статья эта была прочитана императором Николаем и наделала много шума. С почтеннейшим и глубокоуважаемым Васильем Григорьевичем я имел честь познакомиться при содействии тогдашнего моего товарища по службе в Департаменте внешней торговли Ивана Ад. Армстронга в 1830 году, когда мне было 18 лет“. Знакомство длилось девять лет. Потом знакомцы разошлись. Потом опять сошлись у сенатора [Ф. Л.] Переверзева. Снова разошлись на четыре года и снова сошлись, когда у Бурнашева умерла мать и „не было денег даже на гроб“. Встреча была случайная, на улице, у дома Жукова. Жуков помог Бурнашеву в его нужде. Потом они опять не виделись до нового горя, которое явилось к Бурнашеву сюрпризом по вине „петербургского Гашета, т. е. Маврикия Осиповича Вольфа“, который ангажировал Бурнашева „обрабатывать материалы для затеянной им „Живописной России““. Издательский секрет этот довольно любопытен. Вольф поручил Бурнашеву подбирать сведения к картинкам, имевшимся в типографских запасах Вольфа. Литераторы с именами должны были писать статьи к этим картинкам, по тем сведениям, какие „подберет“ Бурнашев. Так должна была составиться знаменитая „Живописная Россия“. Бурнашев довольно подробно объясняет этот любопытный процесс. „Составлять я должен был материалы для литераторов, приглашенных Вольфом, каковы Евг. Л. Марков, Вас. Ив. Немирович-Данченко и Н. Н. Каразин“. За всю эту подготовительную работу для трех литераторов Вольф обязался заплатить Бурнашеву 300 руб., но дал только 50, а остальных не хотел платить, пока приедут в Петербург Евг. Марков, который живет в своем имении, и Немирович-Данченко, который всегда путешествует, но оба эти писателя долго не приезжали. От этого Бурнашев очутился в самом бедственном положении и жаловался Вольфу, но Вольф стоически не внимал его жалобам и не давал ему денег, пока гг. Марков и Немирович-Данченко просмотрят и одобряют его подготовительные работы. У Бурнашева не было ни копейки денег, сестра у него лежала при смерти больная и домовладелец гнал их из неоплаченной квартиры, а к довершению всего некоторый „художник академии, отдававший деньги в рост и писавший художественные критики у Ко-

марова, пришел с полицией и подпечатал всю мебель“. Вольф ничего не хотел слушать. Он, как известно, и в самом деле был с большим характером. Бурнашев один раз вышел из магазина Вольфа в совершенном отчаянии, „земли под собою не видя“, и побрел куда глаза глядят. Случайно он зашел отдохнуть в свечную лавку к знакомому своему свечному торговцу Ив. Андр. Попову (на углу Садовой и Чернышева переулка). Свечник Попов был милосерднее Вольфа: он как взглянул на убитое лицо Бурнашева, так заметил, что человек сам не в себе, а когда узнал, в чем дело, то „необыкновенно ловко сунул ему в карман две красненькие“. Бурнашев „благодарил свечника и вышел от него со слезами“. Отсюда он как в беспамятстве попал к Жукову, и Жуков его сейчас же принял. Жукову Бурнашев не рассказывал о том, что он претерпел от Вольфа, тот сам увидал, что человеку этому надо помогать без рассуждения. „Василий Григорьевич находился под святым осенением и наитием небесным (пишет Бурнашев) – он уразумел силою непонятого магнетизма то положение, в каком я тогда находился. Это нравственное анатомирование (!) человеческой души – удел немногих и, по-видимому, принадлежит Вас. Григорьевичу в превосходной степени“. Жуков немедленно дал денег Бурнашеву и тем „поставил его в возможность иметь сытный обед и заплатить за квартиру“. – Из этих же денег был уплачен долг вышеупомянутому зажиточному художнику, писавшему художественные критики у г. Комарова и занимавшемуся также отдачею в рост денег. Такой-сякой художник „сейчас прибежал с полицейским и снял печати с мебели“. Так горестно проводил Бурнашев всю свою трудолюбивую, но чрезвычайно нервную и беспокойную жизнь и всегда все свои неудачи приписывал „интригам“, хотя на самом деле ни из чего не видно, чтобы кто-нибудь хотел с ним соперничать и делал ему подвохи. В записке, которую Бурнашев читал Жукову, он раздражительно вспоминает о М. Г. Черняеве, П. И. Бартеневе, Ф. Ф. Воропонове, А. П. Милюкове, В. В. Комарове, Г. Е. Благосветлове, Н. А. Лейкине, М. Н. Каткове, Панютине (Ниле Адмирари), В. П. Буренине, С. Н. Шубинском, Шрейере, г. Ландау, князе П. А. Вяземском, М. Н. Лонгинове, братьях Байковых, издателе Марксе, поэте Ф. Н. Берге и кн. Вл. Мещерском. Все эти лица, по мнению Бурнашева, причиняли ему большой, разнообразный и незаслуженный вред и довели его до того ужасного положения, при виде которого действительно должно было смягчиться всякое негодование, и всякая строгость должна уступить место состраданию к умиравшему человеку самого несчастного характера. Некоторых он укоряет в такой жестокости, которая даже невероятна и очевидно продиктована ему горем и подо-

зрительностью. Эти сплетни, попав в руки позднейшего сочинителя исторических романов, могут показаться очень интересными, но худо будет, если тот, кто захочет ими воспользоваться, не приведет себе на память историю с „персиком“, которая показывает, сколько можно полагаться на рассказы В. П. Бурнашева. В понятиях о литературной честности и достоинстве так называемых „направлений“ Бурнашев мечется на все стороны, и часто один и тот же редактор сегодня у него „благороднейший“, а завтра „подлец“. Иногда прямо – одно зачеркнуто, а другое надписано. В. Комаров особенно часто возводится и опять низлагается и так и кончает не в милости. Понятия о том, что „благородно“ и что „подло“, естественно должны были много претерпевать у человека, который без всякой особенной борьбы прошел через все журнальные направления, побывал и в „Деле“, и в „Русском вестнике“, и при „частных занятиях“ в III отделении. Очевидно, что у самого этого человека никаких собственных взглядов и стремлений не было, и он не почитал их нужными, а писал в том духе, в каком требовалось, и это он называл литературою... Он не терпел и не желал ничего претерпеть ни за какое убеждение; литература для него не была искусством и служением исповедуемой истине или идее, а у него она была средством для заработка, и только. За это он и претерпел горькую участь, в которой должны видеть себе предостережение те, которые идут ныне этою же губительною стезею. Как средство к жизни литература далеко не из легких и не из выгоднейших, а, напротив, это труд из самых тяжелых, и при том он много ответствен и совсем не благодарен. В литературе известен такой случай: тайный советник М[ережковский в 1880 г.] повез к Ф. М. Достоевскому сына своего, занимавшегося литературными опытами. Достоевский, прослушав упражнения молодого человека, сказал: „Вы пишете пустяки. Чтобы быть литератором, надо прежде страдать, быть готовым на страдания и уметь страдать“. Тогда тайный советник ответил: „Если это так, то лучше не быть литератором и не страдать“. Достоевский выгнал вон и отца, и сына. Кто не хочет благородно страдать за убеждения, тот пострадает за недостаток их, и это страдание будет хуже, ибо оно не даст утешения в сознании исполненного долга. На всяком ином поприще человек среднего ума и средних дарований, какие имел Бурнашев, при его трудолюбии, досужестве и светской образованности, непременно устроился бы несравненно лучше и избежал бы всех тех унижений и горя, которые испытал этот беспокойный страдалец, лежавший даже в гробу с широко открытым ртом... Он как будто вопиял о том, чтобы остающиеся в живых по его формулярным стопам не ходили... Последние минуты Бурнашева облегчал

участием и схоронил его человек, о котором покойный говорил и писал много дурного, и совершенно напрасно. У меня есть письма Бурнашева из больницы, в которых он в этом горько каялся. Теперь в литературной среде появляются молодые люди, не обнаруживающие ни огня, ни страстности к каким бы то ни было идеям, но они пишут гладко и покладисто в какую угодно сторону. Их, к сожалению, уже много, и, может быть, скоро их будет еще больше. У них та же многосторонность, какая была у Бурнашева, и даже его прием – проявлять себя как можно скорее в возможно большем числе изданий. Заботы их в этом роде очень жалки. „Что их влечет и кто их гонит?“ Через это они уповают сделаться более знаемыми и крепче припаять себя к литературе, но они ошибаются: расчет их неверен и в приеме их есть нечто от них отталкивающее. Путь беспринципного записыванья себя повсюду есть путь опасный, идучи по которому можно дойти и до „частных занятий“ Бурнашева... В литературном мире носились слухи, что некоторые уже и дошли до этого... Проверить это в отношении прочих можно будет, конечно, только со временем, но за себя Бурнашев сказал свои откровенные слова. „Имеющие уши, чтоб слышать, – пусть слышат“. Отчуждение и бедность – дрянные советники. Кто не любит литературу до готовности принести ей в жертву свое благополучие, тот лучше сделает, если вовсе ее оставит, ибо „музы ревнивы“, а богема... ужасна!..»

Воспоминания петербургского старожила

Вместо предисловия

Объяснения к истории «Воспоминаний петербургского старожила (В. П. Б.)»

Нет ни одного рода литературных трудов столько неудобного для воспроизведения в печати, как род ретроспективный. Это доказано тысячами опытов, как в общеевропейской литературе, так и в нашей отечественной.

Ежели автор ретроспективных «Воспоминаний», извлеченных из его ли многолетней жизни, из собрания ли и сопоставления в одном стройном целом чужих данных, задался целью изобразить характеристику различных современных ему общественных деятелей известной, не слишком давнишней эпохи, актеры которой еще имеют в живых близких наследников; ежели автор этот хочет представить объективную картину общественного быта и общественного строя собственно этой эпохи и при этой своей работе этот автор обмакнет свое перо в розовые чернила, стараясь представить

все им рассказанное чрез призму розовых же очков, надетых им с намерением льстить потомкам тех личностей, которых он описывает, или тем из этих изображаемых личностей, которые еще живы, тогда строгая и справедливая критика и, главное, общественное чувство, как бы ни было безукоризненно изящно и занимательно все этим автором-льстецом изложенное, непременно отнесутся к труду его с заслуженным им скептицизмом и недоверчивостью, хотя, впрочем, сначала, может быть, такой автор будет встречен рукоплесканиями; но скоро перо его заподозрится в односторонности и в натяжках фактов, а спустя несколько лет поднимется завеса со всего того, что этот автор-ретроспективист намеренно прошел осторожным молчанием, изобличатся фактические неверности, и историческою правдою смоемся блестящая ретушировка с темного фона действительности. Тогда этот исторический или биографический плод льстивого измышления будет заклеямен упреками в фальши, в напускных мадригалах, в выковыывании, намеренно, с предвзятою мыслью, разукрашенных и даже небывалых деяний, им присваиваемых его героям, не имеющим никакого права на те высокие пьедесталы, на какие низкий расчет и циническая эластичность автора силились их поднять. Одним словом, такого рода льстиво изукрашенный труд, принадлежащий, положим, даже весьма талантливому, но при том слишком не церемонящемуся с историческими фактами писателю, будет всенепременно немилосердно, иногда при жизни автора-льстеца,

но по смерти апофеозированных им его героев, разанатомирован и презрительно швырнут в реку забвения, ежели еще, чего доброго, при этом самом разанатомировании, с критической точки зрения, имя автора-оптимиста не забрызгается грязью людской клеветы и плевками общественного презрения, так легко проявляющимися в нашей журнально-фельетонной печати, которая так решительно топчет все приличия тогда, когда ей не страшно, по общественным отношениям, жертвы ее нападков, ее глумления и ругательств.

Изображенная мною здесь судьба ретроспективиста-льстеца и восхвалителя постигла на моей памяти многие сочинения историко-биографического характера нашей русской литературы. Сочинений этих от едкой и нахальной критики, со всеми ее жестокими результатами, не спасли ни изящный слог авторов, ни их высокое общественное положение, ни, наконец, те правительственные награды, каких авторы эти удостоились, успев своими произведениями угодить именно тем милостивцам, в руках которых рог изобилия, со всеми этими наградами и почестями, находится в данное время.

Говоря все это, не могу всего ближе не припомнить исторических трудов нашего некогда прославившегося военного историографа генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского. Было время (в 30–40-х годах), когда эти историко-биографические и военные воспоминания¹⁷⁶ ярко блиста-

¹⁷⁶ См.: Записки 1814 года А. Михайловского-Данилевского. СПб., 1831; Вос-

ли и сильно гремели; но, кажется, уже при самой жизни их автора мишурный блеск их померк, а искусственный шум, около них производимый, уподобился лишь шуму и треску фейерверочной шутихи. В то былое время, за 30–40 лет пред сим, конечно, критика, связанная по рукам и ногам, при существовании бесчисленных и многообразных цензур, как общих, так и специальных, или безмолвствовала, если хотела быть сколько-нибудь добросовестна, или воспевала целые оды этим историческим поэмам, изложенным в изящной прозе генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского.

Мне случилось видеть этого историка-биографа в 1843 году, окруженного густым облаком журнального фимиама. Это было именно на свадьбе чудака-издателя «Эрмитажной галереи» и «Портретов генералов Отечественной войны»¹⁷⁷

поминания. Из записок 1815 года А. Михайловского-Данилевского. СПб., 1831; Записки о походе 1813 года А. Михайловского-Данилевского. СПб., 1834; Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году, по высочайшему повелению соч. ген. – лейт. и членом Военного совета Михайловским-Данилевским. СПб., 1844; Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению соч. ген. – лейт. Михайловским-Данилевским: В 4 ч. СПб., 1839; Описание войны 1813 года, по высочайшему повелению соч. ген. – лейт. Михайловским-Данилевским: В 2 ч. СПб., 1840, и др.

¹⁷⁷ См.: Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца... Жизнеописания соч. ген. – лейт. А. И. Михайловского-Данилевского / Портр. с подлинников Дова рисованы парижск. худож. Гюо и Долле: В 6 т. СПб., 1845–1849. Книга под названием «Портреты генералов Отечественной войны» не выходила. Бурнашев, видимо, имеет в виду ряд литографированных портретов, изданных И. П. Песоцким.

Ивана Петровича Песоцкого¹⁷⁸, с которым я в ту пору и до смерти его, последовавшей в 1848 году, находился в близких отношениях, как редактор издаваемого им тогда журнала «Эконом». Генерал Данилевский был посаженным отцом Песоцкого, по просьбе которого за весьма крупный гонорарий его превосходительство, в то время в апогее славы военного историка, принял на себя редакцию биографий «Военной галереи портретов генералов», изготовлявшихся по подлинникам (кисти Дова), хранящимся в Зимнем дворце, в превосходной литографии француза Префонтена, нарочно для этой цели выписанного Песоцким из Парижа. Чего только не воспроизвел Ф. В. Булгарин на этом свадебном вечере с балом и роскошным ужином, изготовленным, быть сказано в скобках, под наблюдением придворного метрдотеля Эдмонда Францовича Эмбера, двоюродного брата новообращенной, урожденной девицы Обен, чистокровнейшей парижанки. Что Фаддей, прозванный А. С. Пушкиным Фигляриным, постоянный воспеватель в «Пчеле» своей всех сильных, случайных¹⁷⁹ и богатых (главное, богатых!) современников своих, здесь *à la lettre*¹⁸⁰, а вовсе не в переносном смысле, находясь под обаятельным влиянием шампанского, становился

¹⁷⁸ Свадьба И. П. Песоцкого состоялась, как можно заключить на основе подробного ее описания Д. В. Григоровичем, в 1845 г. (см.: *Григорович Д. В. Литературные воспоминания*. М., 1987. С. 74–75).

¹⁷⁹ То есть находящихся в «случае», являющихся фаворитами императоров и крупных сановников.

¹⁸⁰ буквально (*фр.*).

несколько раз на колени перед его превосходительством, — факт, несколько не изумительный; но, признаюсь, несколько смущало во мне чувство юношеского пуританизма то, что Н. А. Полевой, прославившийся за несколько лет пред тем проявлением в печати многих своих честных и правдивых убеждений, за которые так жестоко пострадал¹⁸¹, здесь же на этом ужине, с бокалом шампанского в руке, громогласно и восторженно превозносил до небес все то, что вышло из[-под] пера этого крайне эластичного нашего того времени военного Тацита. И этот мнимый Тацит, как сейчас вижу, кажется, горделиво, развалясь на диване и любясь с родительским упоением свежим тогда фрейлинским шифром своей старшей дочери Антонины Александровны, очаровательно танцовавшей мазурку, принимал все эти восхваления вполне за чистую монету, как должное своему историческому таланту воздаяние. С тех пор прошло всего не более 30 лет, а куда девалось многое множество томов сказочной, изящно, впрочем, изложенной истории генерала Михайловского-Данилевского, экземпляры которых нынче можно встретить разве только в полутемных комнатухах букинистов Апраксинского двора и на уличных книжных столах-будках, где любители книг ради процесса чтения приобретают эти некогда очень дорогие толстые книги чуть ли не за десятую часть их первоначальной стоимости. Sic transit gloria mundi!¹⁸²

¹⁸¹ В 1834 г. был закрыт журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф».

¹⁸² Так проходит слава мирская! (лат.).

Труды генерала Михайловского-Данилевского понесли фиаско не чрез журнальную критику, так как тогдашняя пресса прославляла его и их выше леса стоячего, нет, их убил неумолимый суд общественного мнения, нашедшего себе сильную опору и стимул в знаменитом словце сановного остряка того времени светлейшего князя А. С. Меншикова. Дело в том, что, когда в конце 40-х годов заговорили было в публике о том, что на место князя Чернышева предполагают сделать военным министром графа П. А. Клейнмихеля, князь Меншиков, услышав об этих толках в Английском клубе, сказал: «Ежели слух этот осуществится, то назначение это будет стоить больших хлопот бедному Михайловскому-Данилевскому, потому что ему придется перепечатать экземпляры тех страниц его сочинений о войне 1812, 1813 и 1814 годов, где у него так много действует, даже там, где и никогда не бывал, граф Чернышев, чтоб вместо Чернышева везде напечатать имя Клейнмихеля, хотя последний и уж вовсе не принимал участия в военных действиях, кроме разве в обер-офицерском чине под Бородином, откуда тотчас и поступил в адъютанты к графу Аракчееву¹⁸³. Но для нашего почтеннейшего Александра Ивановича эти все исторические препятствия такой Рубикон, который он всегда мастерски проходит словно вброд». Таких историков и та-

¹⁸³ Порядок был обратным: сначала в марте 1812 г. П. А. Клейнмихель был назначен адъютантом к А. А. Аракчееву, а потом в августе участвовал в сражении при Бородино.

ких биографов, каким явился А. И. Михайловский-Данилевский, бывало на нашей памяти немало, и все они провалились очень быстро в Лету под гнетом общественного мнения, иногда с аккомпанементом свиста всей ополчившейся против них журналистики.

Противуположный этому роду льстивых ретроспективистов-«сочинителей» представляет род простодушных, откровенных рассказчиков всего того, что им в течение их многолетней жизни привелось слышать и видеть и что они без особенного анализа, критики и разбора передают читателю.

Иногда эти ретроспективисты, как, например, наш славный поэт-партизан Денис Васильевич Давыдов, отличаются редкою правдивостью и меткостью в оценке некоторых авторитетов, снимаемых ими с тех пьедесталов, на какие авторитеты эти были по обстоятельствам поставлены современными событиями. Так, например, наш вихрь-партизан, как называл его Жуковский, распахисто рубнул в своих посмертных «Записках» по историческому портрету фельдмаршала графа И. И. Дибича¹⁸⁴. И эта неумолимая оценка действий некогда знаменитого военного мужа не подняла еще против ее автора кликов неудовольствия, преимущественно потому, что личность Дибича не оставила по себе много симпатичных воспоминаний, которым много препятствовали об-

¹⁸⁴ См.: Записки Дениса Васильевича Давыдова, в России цензурой не пропущенные. Лондон; Брюссель, 1863.

стоятельства участия Дибича в политическом падении крайне симпатичного для всей России Ермолова¹⁸⁵, за которого крепкою стеною у нас стояло и стоит общественное мнение. К тому же после Дибича не осталось такого прямого потомства, которое могло бы вооружиться против гусарских откровенностей и простодушной правды, высказанной резко и бойко лихим наездником-поэтом, имя которого, благодаря удачам партизанства, так тесно связано со всем, что составляет святыню наших воспоминаний о великом эпосе незабвенной войны двенадцатого года.

Иногда такие воспоминатели погружают перо свое далеко не в розовые чернила тех оптимистов, о которых я выше упомянул, а в такие обыкновенные, например, хотя бы в какие-нибудь ализариновые чернила¹⁸⁶, которые, однако, или разведены некоторою дозою желчи, присущей их характеру, и тогда в большей части живописуемых ими характеров изображаемых ими личностей проявляются нередко черты, не слишком-то лестные для этих личностей. К числу таких повествователей былого принадлежит Ф. Ф. Вигель, человек бесспорно умный, острый наблюдатель и большею частью правдивый, но с крайне пессимистическим пошибом

¹⁸⁵ Для проверки доносов на А. П. Ермолова и критических отзывов о нем в 1827 г. на Кавказ был послан И. И. Дибич. Он прислал Николаю I донесение, в котором писал о значительных упущениях Ермолова, после чего тот был уволен с повелением вернуться в Россию и жить в своем имении.

¹⁸⁶ Ализариновые чернила изготавливались из вытяжки чернильных орешков, причем в состав их входила уксусная кислота.

и с постоянной улыбкою сатира. В «Записках» его, изданных отдельными томами по напечатании их в одном из московских журналов¹⁸⁷, встречается многое множество метких и верных замечаний и наблюдений об обществе и деятелях как конца минувшего века, так [и] первой четверти настоящего столетия. В журналистике по поводу появления «Записок Вигеля» явилось немало оппозиционных протестов на сообщения, сделанные их автором¹⁸⁸. Главнейший протест, однако, был не со стороны родственников лиц, обрисованных загробным ретроспективистом, нет, а на него обрушилось общественное мнение за то, что он, знавший во дни еще крайней его юности нашего всеми нами страстно любимого поэта-баснописца Крылова, которого плохое воспитание, им полученное, и некоторые обстоятельства первоначальной его общественной жизни принесли свои невзрачные плоды и повлияли далеко не очень хорошо и вовсе не похвально на первые житейские шаги нашего впоследствии славного писателя-фабулиста. Все биографы Крылова до тех пор изображали нам «дедушку Крылова» исключительно лишь с одной стороны – [как] добродушного, простодушного, беззаботного и эксцентричного «Русского Лафонтена». Так смотреть на

¹⁸⁷ «Записки» Ф. Ф. Вигеля печатались в «Русском архиве» (1863–1865), а потом вышли отдельным изданием: Воспоминания: В 7 ч. М., 1864–1865.

¹⁸⁸ См., например: О «Воспоминаниях» Вигеля // Отечественные записки. 1864. № 11. Отд. 1. С. 426–444; *Литранди И. П.* Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1873. Кн. 2. С. 59–251.

Крылова, так знать и понимать Крылова все мы привыкли, и иным никто из русских людей бывшего и нынешнего даже, более склонного к анализу и менее расположенного к боготворению авторитетов времени, не хотел во что бы то ни стало знать и понимать милого «дедушку». И вот вдруг на страницах книги едкого и мало снисходительного, никому почти, однако, до тех пор в литературе не известного мемуариста, который к тому же сам по себе, как человек, не оставил особенно симпатичной памяти, являются факты, не делающие чести первой юности того, чей изящный, вылитый из бронзы памятник в Летнем саду¹⁸⁹, постоянно на глазах подрастающего нашего поколения, напоминает этому поколению о существовании в нашем отечестве своего бессмертного Лафонтена¹⁹⁰, и это детство среди цветов и зелени с упоением повторяет очаровательные, никогда не способные состариться апологи этого философа-баснописца. Тогда правду, высказанную очевидцем об одном из случаев в молодости любимого писателя, сочли за святотатство и не захотели даже считать правдою, а назвали злою клеветою, почему общественное мнение вдруг прогневалось на автора этого дерзко-

¹⁸⁹ Памятник И. А. Крылову работы П. К. Клодта был установлен в 1855 г.

¹⁹⁰ Вигель писал, что Крылов был «замечателен неопрятностью, леностью и обжорством», что у него не было «душевного жара» и что «не сыщется ныне человека, который бы более Крылова благоговел перед высоким чином или титулом», «единственную страсть <...> имел он к карточной игре» (*Вигель Ф. Ф. Из «Записок» // И. А. Крылов в воспоминаниях современников / Сост. и коммент. А. М. Гордина, М. А. Гордина. М., 1982. С. 93–95).*

го обличения, хотя автор этот давно уже до напечатания этих мемуаров истлел в могиле. Со всем тем книга Вигеля полна множеством любопытных фактов и верно сфотографированных характеристических черт личностей, имена которых принадлежат истории нашего общественного быта и строя, а со всем тем эти интересные мемуары много видевшего очевидца теперь остаются как бы заподозрены в несправедливости, в воззрениях, основанных на личных отношениях их автора к тем людям изображаемой им эпохи, деяния которых имеют уже свое историческое значение. А между тем, заметьте, Вигель высказал из воспоминаний о Крылове, шестнадцатилетнем мальчике¹⁹¹, несравненно менее того, что Давыдов передал нам о Дибиче, уже фельдмаршале и находившемся на склоне его многолетнего военного поприща. Вот вам пример капризов общественного убеждения!..

Необыкновенно занимательные воспоминания приобретшего к себе почти чуть-чуть не такую же, как Крылов, симпатию всего чисто русского, мало-мальски хотя интеллигентного люда, писателя даровитого и знаменательного, Сергея Тимофеевича Аксакова¹⁹², доныне, сколько помню и знаю, не подверглись нападениям журнальной критики. Это преимущественно оттого, что покойный добродушный Сергей

¹⁹¹ Вигель утверждал, что во время их знакомства Крылову было 36 лет, на самом деле он тогда был на несколько лет моложе.

¹⁹² См.: Аксаков С. Литературные и театральные воспоминания // Разные сочинения С. Аксакова. М., 1858. С. 3–234.

Тимофеевич большею частью ежели и изображал в своих записках чью-либо дурную сторону, то это были люди довольно темные, малоизвестные, не приобретшие никаких симпатий русского общества и не оставившие по себе никакого мало-мальски значительного потомства, тогда как таких людей, как, например, Щепкин, драматический русский артист, всем нам, русским людям, очень любезный, Аксаков представляет в самом привлекательном виде, кажется не имеющим ни соринки, ни задоринки. Дружеские отношения ретроспективиста и здравствующие сыновья Щепкина¹⁹³ – вот основания этой приятельской апофеозы. Много не совсем лестной правды высказывается в книге Аксакова бывшему некогда министру народного просвещения Александру Семеновичу Шишкову, и приводятся из его жизни факты далеко не такие, которые могли бы служить к изящному нравственному портрету этого государственного мужа Александровского царствования, факты, свидетельствующие преимущественно о мелочности и низком уровне некоторых моральных правил этого высокопревосходительного сановника, почти помешавшегося на бесполезных и бестолковых корнеисследованиях русского языка¹⁹⁴. Но Шишков не оста-

¹⁹³ Имеются в виду финансист, издатель и общественный деятель Николай Михайлович Щепкин и юрист, товарищ председателя Московского окружного суда Петр Михайлович Щепкин.

¹⁹⁴ А. С. Шишков считал, что «под именем языка разумеют корни слов и ветви от них произошедшие. <...> Происхождение слов подобно дереву; ибо как возникающее от корня младое дерево пускает от себя различные ветви, и от высо-

вил по себе прямых наследников своего имени, и вот никто не думает восклицать против всех этих фактов, приводимых Аксаковым, хотя непреложность таких фактов, ежели бы для нас слово Аксакова не было священно, доказывать ни автор, ежели он был жив, ни живущие между нами и поныне достойные его и всею Россиею уважаемые сыновья¹⁹⁵ положительно никак бы не могли, потому что факты эти, как и те, [какие] приводят все почти ретроспективисты, какие привожу и я в моих давнишних воспоминаниях, исключительно основаны на памяти того, кто их положил на бумагу; но, конечно, могут быть или подтверждаемы, или отвергаемы современниками описываемой эпохи, ежели современники эти имели, при их положении в свете, ту же возможность, как и автор, знать те же подробности и те же обстоятельства, ежели не больше, то не меньше его.

Не имея вовсе претензии мало-мальски приравнивать себя к кому бы то ни было из известных ретроспективистов,

ты возносится в высоту, и от силы переходит в силу, так и первоначальное слово сперва означает одно какое-нибудь главное понятие, а потом проистекают и утверждаются от оногo многие другие» (*Шишков А. С. Прибавление к сочинению, называемому «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», или Собрание критик, изданных на сию книгу с примечаниями на оные. СПб., 1813. С. 33–34*). О языковедческих взглядах А. С. Шишкова см.: *Камчатнов А. М. Русский древослов Александра Шишкова: Лингвистическое наследие А. С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи. СПб., 2018.*

¹⁹⁵ Имеются в виду оренбургский (1862–1865), уфимский (1865–1867) и самарский (1867–1872) губернатор Григорий Степанович Аксаков и писатель, публицист и издатель Иван Степанович Аксаков.

не могу, однако, не сказать, что ежели бы и я в моих «Воспоминаниях Петербургского старожила В. П. Б.» говорил только о таких общественных русских деятелях, как, например, упомянутый выше давным-давно уже покойный министр народного просвещения и президент Российской академии¹⁹⁶ А. С. Шишков или хотя бы даже фельдмаршал граф Дибич, и говорил бы о них столько же или и больше нелестного их памяти, как то сделали и такие знаменательные и полного уважения достойные писатели, каковы Давыдов и Аксаков, – мои «Воспоминания», конечно, не были бы приняты за мишень для нахальных нападений и холостых воюющих выстрелов, пускаемых из строя фельетонной и мелкотравчатой нашей прессы. Уверенность эта основывается на том обстоятельстве, что, пока я повествовал о таких забавно-безвредных личностях, оставивших, впрочем, по себе самую карикатурную и гротескную память, как, например, добрейший, но уморительнейший горе-пиита граф Д. И. Хвостов¹⁹⁷, нанимавший специальных пациентов для терпеливого выслушивания его виршей, никто не накидывался на меня, а, напротив, вся журналистика изволила очень любезно отзываться о моих ретроспективностях, находя их

¹⁹⁶ Российская академия была основана в 1783 г. для создания словаря русского языка и его грамматики, содействия развитию отечественной литературы. В 1841 г. вошла в состав Петербургской академии наук в качестве Второго отделения (позднее Отделение русского языка и словесности).

¹⁹⁷ См. очерк 1871 г. «Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания», включенный в настоящий сборник.

«интересными», «оживленными», «образными» и наполняя выписками из моих статей столбцы своих фельетонных этажей. Но, оставив журналистов и литераторов, я дерзнул рассказать во всеуслышание то, чему за 40 лет пред сим был очевидцем в домашнем быту весьма недавнего еще высокого сановника, Д. Г. Бибикова¹⁹⁸, имевшего, впрочем, конечно, немало государственных достоинств и заслуг, справедливо считающихся блестящими. Я, как ретроспективист, еще позволил себе припомнить в это же время то, что знал и помнил далеко не предосудительного, а только характерно-типичного о знаменитом у нас государственным муже, графе Е. Ф. Канкрине¹⁹⁹. Затем, и это всего более разгневало современников, я поднял смелую рукою завесу, скрывавшую столь много лет шарлатанства и правительственно-административные фокус-покусы гениального в своем отрицательном роде М. А. Байкова, морочившего более 25 лет не только удельное управление²⁰⁰, но положительно всю Россию и умевшего силою своего истинно замечательного таланта заставить самого меня, в те времена еще очень молодого человека, в течение шести лет самым наивным образом обманываться насчет превосходных достоинств управляемого

¹⁹⁸ См. в настоящем издании с. 466–469 1-го тома.

¹⁹⁹ См. в настоящем издании с. 322–324 1-го тома.

²⁰⁰ Имеется в виду Департамент уделов Министерства императорского двора и уделов. М. А. Байков с 1832 г. по 1844 г. возглавлял Удельное земледельческое училище.

им воспитательно-народного заведения, закрытого впоследствии не только как бесполезное, но как даже вредное²⁰¹. Но самое главное то, что я имел неосторожность высказать некоему современному сильному публицисту, достигшему, кажется, до омеги журнальной власти, что в портфелях моих есть-таки кое-какие «воспоминания» и о его флюгарных и шарлатанских проделках²⁰², имеющих так много общего с характеристикой, по этому самому, горячо им защищаемой деятельности господина Байкова. Все это в совокупности породило ту одновременную, как бы по данному сигналу проявленную ожесточенность против моих трудов, ожесточенность, которая самым непристойным образом заявила себя, конечно, не в серьезной прессе, а в «Русском мире», в фельетонах «Голоса»²⁰³, в мелких листках вроде, например, «Петербургской газеты» и «Новостей» и, наконец, что уж неимо-

²⁰¹ См.: Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности 1834—1850 // Русский вестник. 1872. № 5—10, 12. Подп.: Петербургский старожил В. Б.

²⁰² Имеется в виду А. А. Краевский, который в это время редактировал популярную и влиятельную газету «Голос». Бурнашев задел Краевского в очерке «Булгарин и Песочный, издатели еженедельного журнала „Эконом“, в сороковых годах», сравнив его объявления об издании «Литературной газеты» с объявлениями американского циркового предпринимателя Ф. Т. Барнума (см. с. 92 этого тома). Кроме того, в очерке «Петербургская женщина-литератор сороковых годов (Фан-Дим)» он писал об эксплуатации Краевским Белинского (с. 175 этого же тома).

²⁰³ См. публикации в: Голос. 1872. № 66, 171, 198, 224; Русский мир. 1872. № 103, 184, 217, 218, 282, 319, 338.

верно забавно, в тетрадах «Гражданина»²⁰⁴, этого *не дельного*, как он сам себя в своих объявлениях-рекламах именует, периодического издания, где рубрика под названием «Дневник писателя» с января 1873 года с подписью некогда симпатичного литератора г-на Достоевского, ныне автора «Бесов», воспроизводит собою явление, заставляющее полагать, как уже это высказано почти единогласно современной прессой, что этот автор состоит под влиянием бесовства и что тут уже нет и помина о «Мертвом доме», а просто-напросто этот «дневник» – произведение «желтого дома», состоящего на 13-й версте Петергофского шоссе²⁰⁵. Только глупец, пошлый глупец разве не уразумевает, что все эти крики и ругательства против Петербургского старожила В. П. Б. берут свое начало далеко не из литературных причин, а имеют стимулом своим нечто вовсе, вовсе, вовсе не достойное какой бы то ни было журналистики и что бы то там оно ни было, не делающее чести правителям и образу действий некоторых деятелей нашего журнального современного мира. <...>²⁰⁶

²⁰⁴ См.: Современная хлестаковщина // Гражданин. 1873. № 234. 2 сент. Подп.: Давнишний обыватель Петербурга.

²⁰⁵ Имеется в виду Больница всех скорбящих, открытая на Петергофской дороге в 1828 г.

²⁰⁶ Далее опущен обширный фрагмент. В нем Бурнашев грубо и многословно, но не приводя конкретные факты и убедительные свидетельства, опровергает своих критиков, полностью включая в текст свои публиковавшиеся на страницах прессы ответы им. О критических замечаниях по поводу мемуаров Бурнашева и о его ответах рецензентам см. в предисловии и в примечаниях к конкретным статьям.

Забавнее всего, что все малейшие результаты дурной моей памяти, произведшие кое-какие анахронизмы и кое-какие неточности в моих статьях, заставляют какого-нибудь фельетонного гаера-кривляку, ради потехи райка, причислять меня, не шутя, к «лжецам», называя мою «ложью» не только ошибки памяти, мною проявляемые, но даже все описки писца и все опечатки типографии. Воля ваша, господа, а вы просто-напросто зарапортовались в экстазе вашего гаерства и стали даже называть вещи не их названиями и не их именами, а такое действие ведь ни более ни менее как абсурд, абсурд же, всякому известно, граничит межа в межу с тем, что называется сумасшествием здравого смысла. Добро бы вы все этого рода ошибки, делаемые не одним только мною, Петербургским старожилом В. Б., вашим бельмом в глазу, называли «ложью», так нет, к анахронизмам, к плеоназмам, к нонсенсам, наконец даже к явным неверным сообщениям современных событий, учиненным другими лицами в печати, вы вполне снисходительны и говорите обо всех этих промахах: «Ну с кем грех да беда не бывает! Конь и о четырех ногах, да спотыкается! Кто Богу не грешен, царю не виноват! Не ошибается никогда только тот, кто ничего не делает!» И мало ли что вы не говорите для оправдания той чепухи, которую сплошь да рядом совершают те, о подобных которым давным-давно еще, помнится, важным московским барином господином Фамусовым сказано: «Ну как не порадеть родно-

му человечку!»²⁰⁷ И вы радуете, сильно радуете или тщательно оправданием провинившегося, или молчанием о совершенном факте. Разыскивать все эти факты чужих ошибок и потом нанизать канитель их на 15–20 столбцах какой-нибудь никем не читаемой газеты, конечно, дело не ахти какое трудное, но, однако, крайне скучное и нелепое, почему я охотно предоставляю эту работу какому-нибудь великомуудрому А. Р., В. К., Н. Л., В. А., Г. Б. и пр. и пр., довольствуясь тем, чтоб сказать, что гг. Краевский, Семевский, граф Л. Н. Толстой, Лесков-Стебницкий, военный историк генерал Богданович точно так же лжецы, как и я, ваш покорнейший слуга, потому что и у них в их сочинениях и их изданиях есть рельефные, сильные, крайне грубые ошибки, потому что, например, г. Краевский, «сей неподражаемый маститый публицист», наполняя свой ежедневный лист²⁰⁸ ошибками и промахами, доходящими до карикатурности и до страшного смехотворства, весьма недавно, в конце прошлого года, пропел «вечную память» ректору Академии художеств г-ну профессору живописи Иордану, а г. Семевский в № 3 своей «Русской старины» 1873 года пожаловал в жандармские генералы в 1825 году одного почтенного графа, когда еще и жандармы у нас не существовали²⁰⁹, и еще воздвиг из мерт-

²⁰⁷ Цитируется «Горе от ума» А. С. Грибоедова (д. 2, явл. 5).

²⁰⁸ Имеется в виду издаваемая А. А. Краевским газета «Голос».

²⁰⁹ Корпус жандармов был учрежден в 1827 г. (должность шефа жандармов была создана в 1826 г.), но жандармские подразделения существовали в России

вых скончавшегося в 1856 году графа Г. Г. Кушелева²¹⁰, считая его живым. Далее, граф Л. Н. Толстой в своем прелестном творении «Война и мир» заставляет в 1812 году являться становых приставов, учрежденных в 30-х годах. Г. Лесков в своих «Соборянах» заставляет карлика врать, называя князя Дмитрия Владимировича Голицына – Александром Николаевичем²¹¹. Наконец, И. П. Липранди в 1866 году в «Русском архиве» в пух и в прах разбил неотразимо-дельными фактами статью генерала Богдановича об одном из эпизодов нашей шведской последней войны, веденной графом Н. М. Каменским, приведя при этом множество доказательств, свидетельствовавших об ошибках, в какие впал наш новый военный историк²¹². Со всем тем, при всех этих ошибках, встречающихся и у наиболее знаменательных писателей и публицистов, ошибках, из которых иные гораздо покрупнее моих обмолвок, никто никогда не позволит себе клеймить этих господ гнусным названием лжецов. И сколько, сколько, сколько независимо от этих немногих приведенных здесь примеров ежедневно встречается ошибок у всех пишущих и произведения пера своего печатающих, и каких крупных ошибок, гораздо покрупнее моих или вполне совпадающих с

и раньше, с начала XIX в.

²¹⁰ Г. Г. Кушелев умер не в 1856 г., а в 1855-м.

²¹¹ В романе Н. С. Лескова «Соборяне» имя и отчество Голицына не названы (см. начало 4-й главы 2-й части).

²¹² См.: Липранди И. Исторические замечания // Русский архив. 1866. № 7. Стлб. 1031–1046.

моими. И все это проходит без всяких замечаний со стороны журнальной критики.

Но что сказали б вы, друзья,
Когда бы сделал это я?..²¹³

²¹³ Неточная цитата из басни И. А. Крылова «Волк и пастухи» (1816). У Крылова: «Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья, / Когда бы это сделал я!»

Четверги у Н. И. Греча

Не буду, да и не считаю уместным распространяться о Николае Ивановиче Грече как о грамматике, филологе, педагоге, литераторе и журналисте. Мне хочется поговорить о нем как о человеке и при этом рассказать разные подробности из петербургского общественного быта за 35–40 лет пред сим. Могу сказать о Грече то, что я успел вынести из многолетнего моего с ним знакомства, основанного преимущественно на отношениях и сношениях чисто журнальных, впрочем, довольно интимных, потому что в те времена все журнальные сотрудники были всегда близки к своему принципалу²¹⁴, а сотрудники Греча в особенности группировались более или менее тесно вокруг него и его семьи. Патриархальность эта была тогда в обыкновении даже в сношениях административных начальников с подчиненными. Так, бывало, ближайшие к какому-нибудь директору департамента чиновники зачастую обедали в кругу его семейства. Находясь в течение десяти почти лет в подобных патриархальных отношениях к Н. И. Гречу, я не мог не убедиться в том, что как хозяин дома он был очень радушен, хотя, впрочем, с примесью малой доли сарказма; как редактор – снисходителен к неопытной юности, однако работами ее умел мастерски и крайне дешево пользоваться; как светский человек – был по-

²¹⁴ Здесь: начальник, хозяин.

что всегда весел, любезен, приветлив с примесью свойственной ему насмешливости, легковверен и ветрен, почему часто рядом с добром, кому-нибудь оказанным, он делал безнамеренно тому же лицу зло, что мне привелось испытать впоследствии на самом себе. Со всем тем не могу не сказать, что лично я был Гречу многим обязан и находил всегда удовольствие в его оживленной и остроумной беседе, встречал же его и впоследствии, когда мы с ним почти раззнакомились, с чувством всегда более приятным, чем сколько-нибудь неприятным, хотя, правду сказать, покойнику кое за что и даже за очень многое я не мог быть благодарен, а потому и не сохранил к нему в позднейшее время того чувства признательности, которое я питал сначала за некоторые оказанные им мне в свое время услуги, как юноше без средств и протекции. Булгарин, это неизбежное зло в Гречевой жизни, это как бы ядро, таскаемое галерным каторжником (по выражению самого Н. И. Греча), был всегда и во всем причиною тех неприятных, неловких и даже дурных отношений, в какие, по обстоятельствам, становился со многими нередко Греч. Так было и в моих с ним сношениях, которые почти прекратились в начале сороковых годов, когда я, по роду принятых мною на себя тогда служебных занятий, должен был жить постоянно за городом, хотя и в близких от него окрестностях²¹⁵

²¹⁵ В. П. Бурнашев в 1839–1843 гг. служил помощником директора Удельного земледельческого училища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.